

ОДА УЗБЕКИСТАНУ

Узбекистан в советской и зарубежной поэзии

ТАШКЕНТ
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1981

Составитель Владимир ТЮРИКОВ
Рецензент — доктор филологических наук
П. И. ТАРТАКОВСКИЙ

Ода Узбекистану: Узбекистан в советской и зарубежной поэзии. /Сост. В. Тюриков. — Т.: Изд. лит. и искусства, 1981.— 248 с.

В сборнике представлены стихотворения, баллады, отрывки из поэм поэтов братских республик нашей страны, а также зарубежных авторов, посвященные Советскому Узбекистану. Поэты по праву восхищаются величайшими преобразованиями, происшедшими на узбекской земле за годы Советской власти, славят ее людей — тружеников и творцов.

**Плоды гигантской работы партии,
самоотверженного труда миллионов
рабочих и колхозников, ученых и
деятелей культуры мы с гордостью
видим в сегодняшнем расцвете
Узбекистана. Душа радуется, когда
смотришь на ваши великолепные
города, современные заводы и
фабрики, на тщательно возделанные
поля и цветущие сады.**
Л. И. БРЕЖНЕВ

ГИМН БРАТСТВУ

Широка география этого сборника, она охватывает многие страны — от Востока и до Запада, от Севера до Юга. В него включены стихотворения поэтов разных народов, побывавших в Узбекистане в разное время. Здесь мы встречаемся с нашими многочисленными друзьями, и рассказ о каждой из этих встреч мог бы стать интересным для читателя, так как поэты разных стран, представленные в этом сборнике, являются нашими современниками, видными представителями поэзии.

Заслуга составителя данного сборника заключается в том, что он за один «круглый стол» сумел собрать столько разных по своему поэтическому стилю, но близких по своим духовным устремлениям людей. На Востоке есть древняя литературная традиция: собираться вместе и говорить, писать или петь на одну тему, например, о любви, о молодости, о весне и тому подобное. Составитель же данного сборника «задал» поэтам величавую тему дружбы и братства на примере Советского Узбекистана. Все участники данной мушoirы и «поют» на эту благородную тему.

Каждое стихотворение, включенное в данный сборник, имеет

свою историю. Мне, поэту старшего поколения, встречавшемуся почти со всеми участниками сборника «Ода Узбекистану», известны эти истории. Например, Андрей Вознесенский представлен в данном сборнике отрывками из своей поэмы «Помогите Ташкенту!». Я помню приезд Вознесенского в наш город буквально на следующий день после первого большого толчка землетрясения 26 апреля 1966 года. Он прилетел в Ташкент по зову своего сердца, долго ходил по развалинам города и думал... Потом он уехал, а через несколько дней в газете «Комсомольская правда» появилась его взволнованная, высокопатетичная поэма «Помогите Ташкенту!».

С Абдурахманом Абд-ар-рахман аль-Хамиси нас, узбекских поэтов, связывает давняя дружба. Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», пламенный борец аль-Хамиси много раз приезжал в Ташкент. Лично я дружу с ним с 1958 года, когда мы впервые встретились в Каире накануне Первой конференции писателей стран Азии и Африки. Он пригласил меня в свой скромный домик, где мы в тот тихий сентябрьский вечер до поздней ночи беседовали о роли поэзии в борьбе за мир и дружбу между народами. Он перевел мою балладу «Последний мост», которую опубликовали тогда же в арабском еженедельнике «Радио и телевидение Каира».

Поэзия аль-Хамиси широко известна не только в арабском мире, ее любят все, кому довелось с ней познакомиться. В 1979 году в Ташкенте в Издательстве литературы и искусства имени Гафура Гуляма выпущен на узбекском языке поэтический сборник аль-Хамиси «Печаль сердца». В данный же сборник включено его стихотворение «Ташкент», в котором наш арабский друг выражает свою любовь к нашей стране, ко всем советским людям.

В сборник включен ряд стихотворений русских поэтов старшего поколения — Николая Тихонова и Владимира Луговского. В первый раз они приехали в Среднюю Азию в начале 30-х годов в составе группы русских литераторов, направленной

сюда А. М. Горьким. Много прозаических и поэтических произведений о жизни узбекского народа написано народным поэтом Узбекистана Николаем Тихоновым. Его стихи «Весна в Дейнау», «Вечерняя чайхана стариков в Ташкенте», «Огни Термеза» знают наизусть тысячи поклонников его таланта в Узбекистане. Владимир Луговской, наш добрый друг и брат, воспел Беговат — родину узбекских металлургов и подвиг героических хлопкоробов.

Читая стихи Михаила Луконина, включенные в этот сборник, я вспоминаю наши совместные поездки в Самарканд и Янгир, в Алма-Ату и Айнабулак, где мы выступали перед рабочими, строителями и хлопкоробами в отдаленных кишлаках и поселках, перед воинами Советской Армии.

Мы благодарны выдающимся советским поэтам Вере Инбер и Ираклию Абашидзе, Миколу Бажану и Петрусь Бровке, Емилиану Букову и Семену Гудзенко, Евгению Долматовскому и Евгению Евтушенко, Римме Казаковой и Кайсыну Кулиеву. Константину Симонову, и Ярославу Смелякову, Аалы Токомбаеву и Олегу Шестинскому и многим другим нашим друзьям за их сердечные слова об Узбекистане, о нашей великой дружбе.

В сборнике представлены многие поэты Запада и Востока, побывавшие у нас в разные времена и написавшие стихи о нашем крае. Это индийский поэт Абдул Асад Хафиз, болгарские поэты Евстатий Бурнаский и Йордан Милев, иранская поэтесса Жале, африканский поэт Мамаду Траоре Диоп, вьетнамский поэт Минь Ле, монгольский поэт Долгорын Нямаа и многие другие.

Эта книга — гимн нашему братству, которое является вдохновляющим стимулом в борьбе народов за мир, прогресс, дружбу во имя светлых идеалов коммунизма.

Народный писатель Узбекистана
ХАМИД ГУЛЯМ

Ираклий Абашидзе
(Грузия)

В КАКОМ БЫ НИ БЫЛ Я КРАЮ

Везде, в каком бы ни был я краю,
Какие б краски ни пленяли взоры,
Я признаки отчизны узнаю —
Дыханье рек родных, родные горы...

И я на золотую Фергану
Глядел замороженными глазами,
Как будто в Греми видел я весну
И яркую долину Алазани.

Здесь, как в Кахетии, над головой
Сплетался густо свод из винограда;
И, словно в Картли, шелестел листвою
Под окнами цветущий купол сада.

Забыл, что здесь не Грузия моя,
Что горы здесь и воды здесь другие,
И что ведь здесь течет Амударья,
Что это льды Тянь-Шаня голубые.

И я шептал, что родины иной.
Счастливей и славней искать не стану.
И словно Грузию перед собой
Я видел, радуясь Узбекистану.

Везде, в каком бы ни был я краю,
Какие б краски ни сияли взору,
Я признаки отчизны узнаю,
Дыхание Лиахви и Гомбори.

Перевод с грузинского В.Державина

Абд-ар-рахман аль-Хамиси
(*Egunm*)

ТАШКЕНТУ

Ташкент — белокрылая дева,
Восточное сладкое диво,
Старинная чаша
Хмельного вина,
Весенний дневник,
Где строки
Чертила звезда Надежды.

Ташкент — голубой колодец,
Под солнцем старинного зноя
Он утоляет жажду
Голубым нектаром наследий,
Золотым питает сияньем
Аорты живых сердец.

Ташкент — это нежная дева,
В ее белопенной улыбке
На огненных крыльях счастья
Я прилетел,
И сердце светилось, как небо
Белого, белого утра,
Открытого всем зрачкам.

Ташкент — это дева
С пронзительными очами.
В сумраке звездном
Плели мы кружево танца
Под музыку
Чутких деревьев,

Кружились, кружились,
Пока рассвет не рассеял темень
И бессонница не простилась
С влюбленными в парках,
И высоту не пронзила
Золотистая быстрая птица.

Тогда мы вдвоем зашагали
Навстречу лучам восхода,
Открывшего клетку мрака,
Освободившего птичьи стаи,
И тихо смеялась дева,
Заре протянув ладони...

В моих зрачках
Останется твой свет.
В родных садах
Среди цветов Египта
Сверкающий жасмин
Повеет на меня
Дыханием твоим,
И захмелею я,
И прошепчу,
Лицо склонив над лепестками:
— Ташкент,
В моей груди живет
Любовь
К тебе.

Перевод с арабского Г. Ашкинадзе

Абдул Асад Хафиз
(Пакистан)

ТЕБЕ, УЗБЕКИСТАН

Ты рассвет, что над миром зардел,
счастья флаг, что Востоком поднят,
ты биенье тысяч сердец —
сердце Азии ты сегодня!

Знаю:
тем же путем идти
всем, кто нынче срывает цепи...
Ты маяк для тех, кто в пути,
ты врата для тех, кто у цели.

Перевод с урду А. Наумова

Дихан Абилев
(Казахстан)

ТАШКЕНТСКИЕ ЦВЕТЫ

Букет цветов, подаренный в Ташкенте,
Со мной летел на самолете Ту.
Цветы летящие спустились эти
С полуденных небес в Алма-Ату.
Вот на столе в кувшине расписном
Они стоят и радуют мой дом.

И словно за гостями, за цветами
Ухаживает вся моя семья.
Магнитными притянут лепестками,
От них глаза не отрываю я —
Трехцветный друга доброго привет:
Цвет белый, голубой и алый цвет.

А дни идут! Уходят дни за днями,
Как по воде бегущие круги.
Вот и цветы увянут за цветами,
Как ни люби их, как ни береги...
И только в сердце я храню пока
Не три цветка — три жарких лепестка.

Перевод с казахского А. Семенова

Николай Агеев
(Россия)

АНГРЕН

На склоне гор Чаткальских голых
Кишлак ютился в два десятка крыш.
И здесь однажды утреннюю тишь
Киркой стальною разбудил геолог.
Мне те места запомнились доныне —
Вот холм, палатки вижу, как сейчас,
Где в ночь приезда, не смыкая глаз,
Мы долго говорили о пустыне.
И вот рассвет неровной полосой
Неторопливо над Чаткалом встал.
А склон горы уже был полем боя:
Здесь, нарастая, гул машин крепчал.
И мы, юнцы, посланцы комсомола,
На угольных взъерошенных пластах,
На фронтovou вахту встав,
Рукою экскаватора тяжелой
Ссыпали с гулким грохотом в вагоны
Чумазый уголь, отнятый у гор.
И с ветром первый затевали спор
Деревья, вставшие рядком зеленым.
Так было это в сорок третьем...
А нынче вместо глинобитных стен
Стоит шахтерский городок Ангрен,
И я его на карге мира встретил...

Жолмурза Аймурзаев
(Каракалпакия)

УЗБЕКИСТАН

Арыком дней, несущим лист багряный,
Течет, струится золотистый свет,
И телевизионные экраны
Расцвечены знаменами побед.

Восточное сверкающее солнце!
Нам щедрый луч самой природой дан.
Так пусть же песней счастья отзовется
Твой праздник, край родной, Узбекистан!

По многошумным городам и весям,
В краю, где все ликует и поет,
Идет твой праздник, и на крыльях песен
В пространство устремляется, в полет.

Земля моя, будь щедрой и живи ты
Вовеки так, как в светлый этот час,
Когда лихие, легкие джигиты
За девушками тихо входят в пляс.

А осень, серебрящимся туманом
Прикрыв лицо, как путник дальних стран,
Впуская караван за караваном,
На аргамаче входит в Андижан.

А там, за горизонтом, обновленный,
Светясь, как у ребенка на флажке,
Карминный, алый, голубой, зеленый,
Далекий открывается Ташкент.

Еще в пылу подъема трудового,
От хлопка белый весь, белей листа.
Стоит среди разлива золотого
Любимый мой Каракалпакистан.

Струится хлопок, как вода по склону;
Как богатырь, доставший до небес,
Играючи дает за тонной тонну
Неутомимый труженик Хорезм.

Так настукает праздничное утро,
И светит солнце. Но светлей стократ,
Одна на всех, стоит большая юрта,
В которой русский друг—наш старший брат.

В великом единении народов,
Навек сродненных, как стрела и лук,
Подвластны стали время и природа
Содружеству умений и наук.

Не сосчитать великого богатства,
Не занимать его в твоей судьбе,
Но главное твое богатство — братство,
Завещанное Лениным тебе!

Ты, накапливая силы непрестанно,
Из года в год свой славный долг вершил,
Герой труда, народ Узбекистана,
Достигший самых солнечных вершин.

Перевод с каракалпакского Г. Юнакова

Али Сардар Джафари
(Индия)

ВЕЧЕР В ТАШКЕНТЕ

Празднуй праздник любви! Запах крови уже исчез,
Разорвались дымные тучи — сползли с небес,
Отсверкали последние молнии злобных гроз,
И ташкентский вечер струит ароматы роз.

Черных кос любимых густую ночь всколыхнули,
На серебряных свечках рук разожгли огни,
Чашу долгого поцелуя радостно подними,—
Эту алую чашу — за здоровье красавиц Ташкента,
Эту белую чашу — за стройных делийских прелестниц,
А зеленую чашу — за нежных волшебниц Лахора,—
Мы смешаем вино, пусть сияет в нем солнце любви!

В синих далях закатной улыбки зажглась полоса,
Веет ласковый ветер, как шепот счастливых речей,
Губы влажны, как будто обрызгала их роса,—
Пусть очистится утро желаний, омывшись в ней.

Чьим-то косам уже не метаться от горя ночного,
По долинам ужасов юношам не шагать,
Волны жизни не будут бросаться на берег смерти,
Молодую кровь перестанет жадная пыль глотать,
Об «отваге отцов» говорить не будем сиротам,
Весть о «смерти героической» уже не получит мать.

На границе взойдут цветы из кровавых ран,
И тогда не узнаешь, чьи взоры — этот нарцисс,
Чье чело — эта роза, чьи губы — этот тюльпан,
Чьи упругие руки ветвями переплелись.

Так и будет! Лихим наездникам здесь скакать,
А красавицы взорами будут их ослеплять,
Ведь земля — для тех, кто в земную мечту влюблен,
Кто в цветы и росу, кто в любовь, в красоту влюблен.

Пусть же вечно роса течет голубой рекой
По земле, что давно устала от крови людской!

Перевод с урду С. Северцева

Рухи Алиев
(Туркмения)

СЛОВО К ТАШКЕНТУ

По испытаньям брат,
Родной Ташкент,
Тебе — моя рука
И мой привет!

Когда трясла земля
Мой Ашхабад
И превращала город
В груды щебня,
Ты поспешил на помощь мне
Как брат,—
Что было в горе
Для души целебней?

Ты с нами поделил
Свой теплый кров
И дастархан,
Трудов дарами полный,—
Все, чем богат,
Отдать ты был готов.
Я щедрость эту
Навсегда запомнил!

...Так выпало,
Что долей штормовой
И ты был
От рождения отмечен...
Тебе,
Что потрясен в ночи бедой,

Все люди наши
Подставляют плечи.

Смотри,
Земли родной все города
Направили к тебе
Свою подмогу!..
Скорее изживается беда,
Когда вокруг
Друзей сердечных много!

Сильней, чем был,
Встаешь ты из руин,
В плечах еще надежней
И красивей,
Узбекистана солнечного сын,
Брат городов
Кавказа
И России...

Незыблемость семьи советской
В том,
Что в испытаньях грозových,
На деле,
Мы в полный рост встаем
К плечу плечом
И поровну
Судьбы удары делим.

Встаешь ты
Краше прежнего из бед,
Батыр Ташкент,
Своей любуясь новью,
Привет тебе, мужающий,

Привет
И вечного цветущего здоровья!

Перевод с туркменского С. Поликарпова

Касим Аманжолов
(Казахстан)

ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ

Кулану негде здесь напиться,
И не на что присесть орлу,
Над ней слепая пыль дымится,
Преображая свет во мглу.

Мороз над нею свирепеет,
Ее терзает дикий зной,
Стремится путник поскорее
Пройти голодной стороной.

Лежит иссохшая, немая,
Как символ горя и беды,
Ей тучи злые, пролетая,
Не бросят капельки воды.

Но мы, осваивая степи,
Сумеем жизнь сюда принести,
Здесь будут новые рассветы,
Иные краски будут здесь.

Здесь по каналам полноводным
Пройдут за хлопком корабли,
И не узнать тогда Голодной,
Жизнь отрицающей земли!

Перевод с казахского А. Семенова

Евгений Антошкин
(Россия)

НА ПРАЗДНИКЕ ПОЭЗИИ В ФЕРГАНЕ

Мы шли тенистыми садами,
Светила южная луна,
И переспелыми плодами
Нам улыбалась Фергана.

На этом празднике великом
Улыбок молодых и встреч
Прозрачней быстрых струй арыка
Узбекская звучала речь.

И словно сами приходили,—
И каждый суть их познавал,—
И красоту в душе будили
России добрые слова.

Под звездным южным небосводом
Был к дружбе наш порыв един.
О красоте моей природы
Прочла стихи свои Айдын.

И в этом поединке скромном
Звучать был до утра готов
И трепет рощи подмосковной
И плодоносный гул садов.

Хильде Арнольд
(Германия)

ВСТРЕЧА В ТАШКЕНТЕ

Шехерезада раскрыла свои сказки
и из ярких миниатюр
позвала в наше столетье
старца в шелковом одеянье.

По-иному из-под тени тюрбана
увидели его глаза этот мир:
сотнями стройных витязей
небо пронзили
трубы заводов, вздымаясь
над минаретами,
чье магическое величье
развеял ветер времен.

Крик муэдзина
перекрыт серенадами кранов,
грохотом экскаваторов,
двинувшихся па схватку
с песчаной пустыней.
По душе тебе новые песни,
старый волшебник?
Еще вчера было дерзостью страшной,
если твоя жена чужеземцу откроет
свой нежный лик рабыни.
Или тебе, как укус скорпиона,—
мысль о девушке
в министерском кресле?
Ты мне отвечаешь,
сгибая древнюю спину,

и бережными руками
ржавый гвоздь убираешь
с белоснежного камня
перед новым театром...

Перевод с немецкого В. Куприянова

Анна Ахматова
(Россия)

ЛУНА В ЗЕНИТЕ

* * *

Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной.
Увидеть, как красен мак.
Какая-то сила
Сегодня входила
В твоё святилище, мрак!
Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок...
Шехерезада
Идет из сада...
Так вот ты какой, Восток!

* * *

С грозных ли площадей Ленинграда,
Иль с блаженных летейских полей
Ты прислал мне такую прохладу,
Тополями украсил ограды
И азийских светил мириады
Расстелил над печалью моей?

* * *

Все опять возвратится ко мне:
Раскаленная ночь и томленье
(Словно Азия бредит во сне),

Халимы соловьиное пенье,
И библейских нарциссов цветенье,
И незримое благословенье
Ветерком шелестнет по стране.

* * *

Третью весну встречаю вдали
От Ленинграда.
Третью? И кажется мне, она
Будет последней.
Б о не забуду я никогда
До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды
В тени древесной.
Персик зацвел, а фиалок дым
Все благовонней.
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?!

* * *

Как в трапезной — скамейки, стол, окно
С огромною серебряной луною.
Мы кофе пьем и черное вино,
Мы музыкою бредим...
Все равно...
И зацветает ветка над стеною.
И в этом сладость острая была.
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда.
Нам родина пристанище дала.

ТАШКЕНТ ЗАЦВЕТАЕТ

1

Словно по чьему-то повеленью,
Сразу стало в городе светло —
Это в каждый двор по привиденью
Белому и легкому вошло.
И дыханье их понятней слова,
Л подобье их обречено
Среди неба жгуче-голубого
На арычное ложиться дно.

2

Я буду помнить звездный кров
В сиянье вечных слав
И маленьких баранчуков
У черноколых матерей
На молодых руках.

Эдуард Бабаев
(Россия)

ВЕСЫ

Со страдою делим мы заботы,
За погодой ревностно следя,
Ясный день нам нужен для работы,
Отдыхали только в дни дождя.

До чего изменчива погода!
Как ее характер угадать?
Не поймешь, какое время года:
Снег — и вдруг теплынь и благодать.

Утром чуть не вдвое тяжелее
Хлопок, мокрый от ночной росы;
В полдень, целою горой белея,
Он едва-едва качнет весы.

Микола Бажан
(Украина)

САДОВНИК

Крик бирюзовых птиц, шакалов тонкий плач,
Арыков плещущих недолгая прохлада.
Тяжелой башнею чернеет карагач,
Дарит благая тень прохожему отраду.

С деревьев тутовых слетают вниз плоды,
Струится сладкий дождь зернистых черных ягод.
Как освежил бы пас глоток сырой воды,
Как мирно на ковер здесь путники прилягут!

И гостя пришлого встречает добрый люд,
Узбек произнесет «салам» и усмехнется.
Растают ягоды на теплой меди блюд,
Из ковшика вода студеная пропьется.

Степенно кланяясь, привстанет аксакал
И к сердцу верному прижмет оп руку, стоя,
И горьковатого зеленого настоя
Предложит он испить из маленьких пиал.

Как живы и ловки, как стройны хлопкоробы,
Как ладно скроены, — они такие все,
Таков и этот дед, мудрец высоколобый,
Садовник наш в земной, изысканной красе.

Почтителен и строг во вдумчивых расспросах,—
О тружениках нив, идущих впереди,
О волжских яблоках, о киевских колхозах,—
Он завершает речь строфою Саади:

«Будь волос шелковинкой или еще слабей,—
Когда сплетен с другими, он крепче всех цепей».
И он волнуется. И речь, исполняясь лада,
В двестишья вкована, им отдана во власть.

Она колыхнется, звенит, как лоно сада,
Когда плодам его пришла пора упасть.
Мы вслушиваемся, как в слове дышит страсть,
И в слове том — плода созревшего услада.

Он говорит, и мы стремимся все сберечь,
Весь медью кованный раскат речитатива,—
В колхозный сад вошла надменно и учтиво
Титана Фирдоуси воинственная речь.

Стих тусского певца чеканами украшен,
Раздумий Саади живой и мудрый лад.
Хафизова газель, как отзвук пышных башен,—
Все гости добрые вошли в колхозный сад.

Как вздох, как теплота, как трепетанье тела,
Как мысль, они росли в могучем старике.
И почва древняя цветами шелестела
И плодородием вздымалась вдалеке.

Сквозь речь колхозника соединяясь с краем,
На сотнях языков рождалась песня вновь.
Где строфам Пушкина, Хафизовым рубайям,
Шевченковым словам достойно мы слагаем
Навеки данные нам братство и любовь.

ТАНЦОВЩИЦА

Тамаре Ханум

Сверкнула золотом шелков тугая пена,
И руки вскинулись, как языки огня,
И вновь, затрепетав, сникают постепенно,
И бубен дробно бьет, во мне самой звеня.

Я слышу ритм времен, — и женщина Египта
Проходит в лунной мгле моих ресниц густых,
И мой цветной наряд подобен манускрипту,
Где арабесками Хафиза вьется стих.

Вой бубна, словно клич далекий хорезмийца,
Смолкает медленно. Им до краев полна,
Я жду. И длинных труб звучание томится,
Как ветер пред грозой, как сонная волна.

В лесу звучаний тех, укрыта труб стволами,
Я вею и кружу цветочною каймой.
Упасть, и прыгнуть вверх, и взвихриться,
как пламя...
О повесть женщины! Садр несказанный мой!

Я весь заветный мир и все уловки знаю
Немых, нерадостных праматерей моих.
Когда-то и для них ревела пасть карная,
И бубен плясовой метался и для них.

Они живут во мне тревожно и послушно,
Они хитры еще, и все ж побеждены.
Они идут ко мне из Согдианы душной,
Из глиняной Хивы, из влажной Ферганы.

Все мастерство свое, всю творческую зрелость
Я в танец воплощу и плотью воспою
Счастливую любовь, работу, честь и смелость —
Рост человеческий в моем родном краю.

Звук триумфального высокого карная
Венчает танец мой — живи, расти, спеши!
Так я, танцовщица, о счастье возглашаю...
О повесть женщины! Песнь молодой души!

Переводы с украинского П. Антокольского

Нуры Байрамов
(Туркмения)

КРЕПКИ ПОЖАТЬЯ ДРУЖЕСКОЙ РУКИ

Земля узбекская, отчизна Навои,
прими привет и песню от туркмена.
Я пленник стройных строк,
так пусть стихи твои
на празднике мне в душу льются смело.

Соседи мы, и рядом пролегли
просторы наши вдоль Аму упрямой.
У вас звучит напев Махтумкули,
мы повторяем стих Гафур Гуляма.

К нам в общий час октябрьский свет пришел,
великой дружбы осветив побег.
Мы сеем хлопок — одеваем шелк...
И вместе мы — туркмены и узбеки!

Труда движенью вторит танца шаг,
и праздник слышен в звонком ритме буден.
У вас на тое наш звучит гиджак,
у нас гремят узбекский тар и бубен.

И вам ли спрашивать, откуда он течет,
канал туркменский!.. Ибо вместе с нами
в пустыне вы, теряя бурям счет,
зеленой жизни водружали знамя.

Вот так и мы трудились в Фергане,
Фархада внуки, новой эры дети.
А в час нелегкий близки мы вдвойне —

и это ясно каждому в Ташкенте.

Давно зовет нас летняя пора —
пора забот, рожденья урожая.
а осень белым метит нам поля,
для нас задачу общую решая!

Крепки пожатая дружеской руки —
мы в вашем доме — точно в доме отчем.
И так понятны наши языки —
как братьям,
им не нужен переводчик!

Глядим в грядущее —
и эта даль сама
нам радостным призывом отвечает.
Свет ленинского сердца и ума
наш общий путь далеко освещает!

Демьян Бедный
(Россия)

КЛЯТВА ЗАЙНЕТ

Поэма

I

Вошла и сказала ему: «Саламат!»
Мирза потянулся и хмыкнул в халат.
Жена у Мирзы — хоть картину пиши.
— Якши!

Жена у Мирзы — его третья жена —
Юна и, как тополь высокий, стройна.
Средь женщин узбекских прекраснее нет
Зайнет.

Узбекам, двум братьям ее удалым,
Большой за нее уплатили калым,
И третий замок он навесил на дверь
В ичкерь.

II

Под присмотром свирепой свекрови,
Злобно хмулившей брови,
Проходила Зайнет, прикрываясь чадрой.
Мимо — страшно сказать! — «Комсомола»,
Где, гудя, как пчелиный встревоженный рой,
Жизнью новой бурлила советская школа,
Где на все голоса и лады
Нараспев повторяли, твердили склады

Из украшенной ленинским обликом книжки
Черноглазые бой-ребятишки:
«Ну-дыр-бай бай-ляр-дан ер-ал-ды
Ек-саляра бер-ды...»

Дома, сонный, обрюзглый, помятый,
Ждал Зайнет ее муж и владыка, Мирза.
И вздохнула Зайнет, опуская глаза:
«Пр-ро-клятый!!»

III

«Велик Алла!
Велик Алла!»...
На минарете пел мулла
Святой напев молитвы краткой.
Презрев домашний произвол,
Зайнет вбежала в «Комсомол»,
Скользнувши в дверь, как тень, украдкой.
«Зайнет! Откуда ты, скажи,
Пришла домой без парандяш?
Ты осквернила дом изменой!
Где ты была, шакалья кровь?» —
Шипела яростно свекровь,
Крпвя злой рот, покрытый пеной.
И отвечала ей Зайнет:
«Была я там, где светит свет,
Где учат ленинским законам,
Где объясняют, где найти
К свободе верные пути
Узбекским девушкам и женам!»
А через день тупой Мирза,
Покорных жен своих гроза,
Рычал от злости и от боли:

Он потерял Зайнет-жену.
Зайнет бежала в Фергану,
Зайнет спаслася от неволи!

IV

Год тяжелого труда — по дням и по ночам —
Прошел как светлый сон для боевой беглянки.
С какою верою живой ее речам
Внимали бедные дехканки!

На фронте шла она в разведку и в секрет,
И басмачи не раз бранились бранью злобной:
«Поймаем—пуля в лоб! У красных больше нет
Другой разведчицы подобной!»

Рвалася к подвигам — и тем была жива,
Всегда — на скакуне иль полковой двуколке.
И легендарная уже росла молва
О черноглазой комсомолке.

V

Хмурый Мирза в Фергане
В грязной сидит чайхане.
Полон замыслом темным.
Дал, не скупясь, он монет,
Кун за убийство Зайнет,
Двум убийцам наемным.
Был их ответ: «Потерпи,
Мы уж разыщем в степи
След твоей комсомолки!»
Ночью, напавши на след,
Смяли узбеки Зайнет.

Словно дикие волки,
Рвали, оскалив клыки,
Жилы из левой руки:
«Будешь вечно калека!»
В шею, дробя позвонок,
Острый вонзили клинок
Два преступных узбека.

VI

Прошло пять месяцев. Ферганская больница,
Зайнет — в повязках вся, лицо — кровавый струп,
Нет, не кошмарный сон ей снится,
Она — калека, полутруп.
Блуждает взор и речь Зайнет звучит невнятно,
Слух острый притупился, трясется голова,
Врачи дивятся: «Непонятно,
Как ты осталась жива!»
Зайнет свезли в Москву. Москва сильна наукой,
Зайнет возвращены и речь, и взор и слух.
И в комсомолке однорукой
Зажегся вновь бунтарский дух.
«Комуниверситет трудящихся Востока»
Зайнет мерещится во сне и наяву.
У гроба нового пророка
Она сказала: «Я живу!
И ты — живешь во мне заветами твоими.
На родине моей — в кишлак из кишлака —
Дехканам темным я их понесу, пока
Сумеет начертить твое родное имя
Моя последняя рука!»

Ольга Берггольц
(Россия)

ТАШКЕНТСКИЕ СТИХИ

1

Есть в сердце Средней Азии чертог.
Кто видел, тот забыть его не смог.

Нет, он не стар — как новолунье юн.
В нем воздух полон вечной думой струн,

дыханьем песен, ропотом стихов,
сверканьем в пляске взвихренных шелков,

и если кто не знал, то знай, что он
из легких кружев каменных сплетен.

Таким явился он тебе и мне,
театр в Ташкенте, в золотой стране.

Он был задуман до войны. И вот
война, беда. Но говорит народ:

— Нет, мирных мы не прекратим работ,
Пусть воплотится чудо — и живет.

Уже сражались, доблестью полны,
Узбекистана лучшие сыны,
когда в театр явились их отцы
и, взяв свои волшебные резцы,
и стиснув зубы, и прищурив зор,
на камне стали высекать узор.

Враги свирепо рвутся на восток,
но мастер режет за цветком цветов,
и сколько б сердце ни терзала боль,
и сколько б глаз ни разъедала соль,
ни разу не дрожит его рука,
верна, трудолюбива и жестка:
он знает, что усталые сыны
сюда прийти с победою должны.

Идут сражения. Идут года.
Пылая, исчезают города.
Но сказочный в мерцании зеркал
уже рождается Бухарский зал,—
из легких кружев каменных сплетен,
нежнейшим светом белым напоен.

Да, мастер знал — усталые сыны
сюда прийти с победою должны.

Приди ж и взгляд на нем останови —
единоборстве камня и любви,

знай: никакие силы не согнут
народ, влюбленный в красоту и труд.

2

Да, это случилось семь лет назад,—
я помню об этом — и рада:
мне в сорок втором на линкоре «Марат»
пришлось побывать с бригадой.

Раскрашен под камень и к стенке прижат,

сетями укрыт, изувечен,
оружия не положивший «Марат»,—
таким ты запомнишься вечно.

А личный состав говорил об одном,
как будто б забыв про блокаду:
— Туда! По-балтийски сразиться с врагом,
на улицы Сталинграда!

О чем же еще мы могли говорить
в августе сорок второго?
Что фронта «союзник» не хочет открыть?
Мы знали — теперь не откроет.

Мы слышали отзвук обвалов глухих
оттуда, с приволжских откосов!
О, как мы читали в тот вечер стихи,
солдаты, поэты, матросы.

И вдруг, изумляя и радуя взгляд,
за ужином скудным и странным,
на маленьком блюде — сухой виноград
и даже вино — по стакану.

Мы так наслаждались!
— Скажи, капитан,
такое богатство — откуда?
— А это от шефов, Узбекистан.
Вы правы — похоже на чудо.
Мы в дружбе давнишней —
Ташкент и «Марат».

В осаде о нас не забыли.
Сквозь тысячи верст — привезли виноград

и сирот, маратовских малых ребят,
заботливо усыновили.

И медленно, тихо поднял капитан,
как будто б огромную чашу,
неполный и маленький легкий стакан
За верность народную нашу.

Ташкент, я припомнила этот глоток,
как мира, победы и счастья залог,
когда мы собрались под кущи твои
на праздники в честь Навои.

Он длился — щедрейший, обильнейший пир,
поэзии торжество...
За этот творящий и мыслящий мир,—
как бились мы все за него!

И розы клубились, сияло вино,
и воздух звенел от стихов...
О родина света, где слиты давно
поэзия жизни и строф!

О родина дружбы, где счастье роднит,
где не разлучает беда!
О родина мира, — твой мир сохранит
народ навсегда, навсегда...

Георге Блэнару
(Молдова)

БАЛЛАДА О БРАТСТВЕ

*Посвящается строителям Ташкента,
возводящим жилой дом в Кишиневе*

Во тьме веков когда-то,
Средь кодр и средь песков,
Они выросли, два брата,—
Ташкент и Кишинев.

И на тропе щербатой
Был скрыт их общий след
Туманом, словно ватой,
И листопадом лет.

Но каждый стародавней
Мечтою был объят,
И ждал, и звал всегда в ней
Родного брата брат.

И вот в переплетенье
Туманных лет и бед
Их вызволил из тени
Звезды внезапный свет.

Им двери растворила
Октябрьская звезда
И в свете растворила
Пространства и года!

...Но задрожали недра,

И рухнул мирный кров.
В Ташкент на крыльях ветра
Рванулся Кишинев.

Спешил, Отчизне вторя,
По-братски поддержать,
Чтоб из руин и горя
Поднять его опять!

Вновь задрожали недра —
И к нам пришла беда.
И вот на крыльях ветра
Ташкент спешит сюда.

Он поднял в поднебесье
Высокий крепкий дом,
Скрепленный, точно песню,
И братством, и трудом.

Живут, раскрыв объятия,
От кодр и от песков,
Сограждане и братья —
Ташкент и Кишинев!

Перевод с молдавского М. Яснова

Джоомарт Боконбаев
(Киргизия)

ФЕРГАНА

Вчера была здесь голая земля,
Лишь кирпича краснела штабеля.
Сегодня — новый город предо мной:
Гордись, народ, своею Ферганой!

Как выросли и люди и страна,
Как изумляет эта новизна!
Уже заводы выстроились там,
Где был простор лишь ветру и пескам.

Пустыни мертвой не найдешь следа —
Среди равнин грохочут поезда,
Несутся, черным золотом полны —
Прекраснейшим сокровищем страны.

Красавицею стала Фергана,
Эпохи новой детище она.
Казалось бы, прошло немного лет,
А уж гигантам новым счета нет.

Вперед, ударник Фергана, вперед!
Зови к победе тех, кто отстает!
Обогащай тебя создавший край
И красоту вселенной умножай!

Перевод с киргизского А. Левика

Маня Борисова
(Россия)

ШАХИМАРДАН

*Памяти Хамзы Хаким-заде Ниязи —
узбекского литератора и просветителя.*

Присев на край потертого ковра,
Шурша атласом и дыша духами,
Две женщины — два радостных костра
Со мною рядом ярко полыхали,

Уйдя на день от дел и от детей,
Обширны и торжественны, как оды...
И каждой жилкой их тяжелых тел
Невидимо владел блаженный отдых.

А в кишлаке бурлил воскресный пир:
Спешил базар не упустить момента,
Динамик на большом столбе вопил,
Мелькали гири, штуки, мерки, метры.

Пристегнутый к стене куском ремня,
Ишак дурел от собственного крика.
Мальчишки, бодро ведрами звеня,
Гасили пыль водою из арыка.

И, белым шелком затенив слегка
Коричневые лбы, сухие руки,
По улицам, как будто облака,
Ходили горделивые старухи.

А на горе, как слиточек в золе,

Оставшийся, когда спалили ветошь,
Виднелся отовсюду мавзолей
В изменчивой тени листвы и веток.

Казался мне похожим на врача
Тот, кто лежал под белоснежным камнем:
Он стиснутому горлу возвращав
Естественное, полное дыхание,

Он не оружием действовал, но лишь
Блестящим словом, свойственным таланту,
Когда снимал чачваны с женских лиц,
Как с темных глаз снимают катаракту.

Его убило, бешено рыча,
То старое, что глухо тлело рядом.
И смертью он напомнил мне врача,
Отравленного черным трупным ядом.

Я думала еще:
награда — в чем?
В чем утешенье гибели на грани?
И он мне вновь представился врачом,
Которому нет радостней награды,

Чем жизнь,
что длится, вечна и нова
Своим законам сохраняя верность,
Почти не успевая сознавать
Священную свою обыкновенность.

Рыгор Бородулин
(Белоруссия)

ЧИЛАНЗАР

Иду я,
вдруг — бросило в жар,
поверить глазам боюсь я:
что это — Ташкент?
Чиланзар?
Ведь здесь уголок Беларуси!

...В беде не оставим, Ташкент!
Прими же бесценные грузы:
рабочие руки, цемент —
Ташкенту от Беларуси!

Когда поливал свинец
мой край, обращенный в руины,
Ташкент, ты, как добрый отец,
детей Белоруссии принял.

И клятву давали сыны,
тебя покидая с рассветом:
«Отчизна, придем с войны,
вернемся к тебе с победой!»

Ты видел в глазах детей
багряные блики пожаров!
...А мне не забыть малышей
веселого Чиланзара.

Дома Беларусь возвела:
светлы и довольно простора.

...Кипела от зноя смола,
смола партизанского бора.

А вот и квартира одна...
И радуюсь я, как ребенок:
глядят на меня из окна
четырнадцать черных глазенок!

Отец их на зависть богат!
Расти же, семья молодая!
...Цветет нашей радости сад.
Живет наша дружба святая.

Перевод с белорусского Ф. Ефимова

Петрусь Бровка
(Белоруссия)

ВСПОМИНАЯ ТАШКЕНТ

Ташкент,
я тебя не забыл.
Все мне снятся ночами
Кварталы твои,
осененные карагачами,
Арыки твои,
тополя с поседевшей листвой...
При первом ударе
я был на рассвете с тобой.
Я помню тот гул,
наставший апрельскою ранью.
Внезапный толчок —
и горницы нашей качанье.
И странную вспышку,
и города вздох полусонный,
И треск перекрытий,
и стоны земли по трясенной,
И стрелки на всех циферблатах,
застывшие сразу,
Как будто они подчинились чьему-то приказу.
Зловещее — пять двадцать три —
засекли они время.
Но город очнулся,
мгновенного ужаса бремя
Страхнул.
и продолжилось время.
Звенели трамваи,
Людей, потерявших покой, на посты созывая.
Я помню,

как шли на работу твои горожане.
...Дверей покосившихся,
стекол разбитых дрожанье.
Наклонно стоят глинобитные хрупкие стены.
Л «скорая помощь» несется, включая сирены,
Туда, где нужда во враче...
Но упрямо и строго
Ташкентцы идут.
Как солдат боевая тревога,
Беда подняла их сегодня...
Идут они мимо
Осевших дувалов.
Но рядом стоит нерушимо
Театр Навои.
Только башенки самую малость
К земле накренились.—
— Ты что это разбушевалась!
Мы — гости Ташкента,—
на утренней площади стоя,
Осмыслить пытаемся только что пережитое.
Вдруг слышим:
— Ну, как, дорогие? Не очень робели?
Пришлось покачаться сегодня в земной колыбели?
О добрый наш друг!
Обнимаем Гафура Гуляма,
Как тот карагач многолетний,
он держится прямо,
Не сломлен ударом.
Улыбка, спокойствие взгляда...
Проведать пришел,
поддержать и помочь, если надо.
И стало теплее от мудрой улыбки Гафура,
Глаза посветлели,
в то утро глядевшие хмуро.

И вспомнил я всех,
с кем встречался на прошлой неделе,
На древней земле в благодатную пору апреля:
Я вспомнил ферганцев,
как будто отлитых из бронзы,
Взрадивших сады под лучами узбекского солнца,
Людей, привносящих в деяния нашего века
Упорство Фархада и зоркую мысль Улугбека.
...Идем по Ташкенту,
как будто по нашему Минску.
Порой перед нами,
как жертвы толчков исполинских,—
В извилинах трещин —
фасады домишек старинных.
Когда-то мы видели и Минске иные руины.
Взрывная волна в эпицентре войны бушевала,
Под вражьими бомбами рушились наземь кварталы.
Сирот белорусских в Ташкенте тогда приютили...
Идем вдоль арыков, присыпанных рыжею пылью.
Но в том переулке, где вижу я свежие раны,
Как прежде, алеют нетронутые тюльпаны,
И мирное небо покоится в рваном просвете,
И в сквере тенистом играют ташкентские дети.
Смеркается.
Зал переполненный ярко расцвечен.
Театр Навои.
Белорусской поэзии вечер.
А почва дрожит,
и толчки повторяются снова.
Но люди внимают звучанию нашего слова.
А мы ощущаем, как бьются сердца дорогие,
Которые трижды сильнее, чем любая стихия.
Гудела земля.
А проспекты работой гудели.

Прошел я по улицам Пушкина и Руставели,
Абая, Айни...
Всюду слышится братское имя.
Вот улица Коласа —
в близком соседстве с другими,
Потомки великих с ташкентцами трудятся рядом,
И рады хозяева разноязыким бригадам.
На смену палаткам вздымает кварталы жилые
Единство, которое трижды сильнее, чем стихия.
Ташкент!
Я тебя не забыл!
И забыть не сумею.
Судьба моя слита с бедой и победой твоею.
Березы под Минском шумят пожелтевшей листвою.
Ташкент!
Как в апрельское утро,
я нынче с тобою.

Перевод с белорусского Я. Хелемского

Емилиан Буков
(Молдова)

АРАЛ

Две руки вбирают влагу
в голубой бескрайний кубок
(В чудный эликсир бессмертья
превращается вода).
И несут ее на праздник
двух родных сестер-республик;
Полон стол плодов богатых
вдохновенного труда.

Две руки вздымают чашу
над пустынным побережьем,
Две руки питают чашу,
драгоценную вдвойне.
Чаша дышит то сурово,
то мечтательно и нежно,
Закипают и стихают
бури на песчаном дне.

Две руки... Одна — узбеков быль,
восставшая из праха —
Легендарная, святая,
древняя Амударья.
Сырдарья — рука другая —
песня вольная казахов,
Затопляющая сказкой
необъятные края.

Не иссякнет твоя чаша
в песенном разливе звонком,

Брат морей разноречных,
я красой твоей пленен!
Пой, Арал, степную песню
и для нас и для потомков,
Пусть звучит она на струнах
всех народов и племен!

ЕДИНЫЙ МЕРИДИАН

Над Прутом полыхала тишина
Под орудийный гром.
Была война.

Была война.
Мгла застилала синь,
Когда в Коканде родился мой сын.

Не слышал я младенца первый крик —
Дымился под ногами материк.

Но, как струна, звенел меридиан,
Связал узбеков он и молдаван.

Мне снился в гуле фронтовых годин
Сын молдаван — узбекский гражданин.

И видел я, от счастья не дыша,
В хлопчатой рубашонке малыша.

На полотне тоскующей мечты
Я вышивал молдавские цветы,

И песню колыбельную впотьмах

Чеканил марш на братских языках...

...Промчались годы горя и утрат.
Когда подвозят к самолету трап

И вновь передо мной Узбекистан —
Все тот же мне поет меридиан,

И в воздухе Коканда заревом
Я слышу лепет сына моего.

Переводы с молдавского В. Краско

Евстатий Бурнаский
(Болгария)

СЛАВА РУКАМ!

Беспредельная степь. Горемыка,
Ты не знала журчанья арыка,
Не ласкал тебя аист крылом.
Ты впитала всю соль океана,
Степь моя — азиатская рана,—
Нелегко позабыть о былом.

Кто услышал твой голос полынный,
Кто, почуяв его, как ожог,
В этой дали, глухой и полынной,
Равнодушным остаться не мог!

Облик твой, что был так безутешен,
Мне ответил улыбкой черешен,
Белым хлопком и щебетом птиц.
Языками горящего газа
Так неожиданно окрасилась фраза,
Засветилась во множестве лиц.

Так, познав испытанья и муки
И внимая призывам твоим,
Это сделали сильные руки.
Благодарность великая им!

Перевод с болгарского Л. Таракановой

Павел Васильев
(Россия)

ПУТЬ В СТРАНУ

Обожжены стремительною сталью,
Пески ложатся, кутаясь в туман,
Трубит весна над гулкой магистралью,
И в горизонты сомкнут Туркестан.

Горят огни в ауле недалеко,
Но наш состав взлетает на откос,
И ветви рельс перекипают соком —
Весенней кровью яблонь и берез.

Обледенев, сгибают горы кряжи
Последнею густою сединой...
Открыт простор.
И кто теперь развяжет
Тяжелый узел, связанный страной?

За наши дни, пропитанные потом,
Среди курганных выветренных трав
Отпразднуют победу декапоты,
В дороге до зари прогрохотав.

В безмолвном одиночестве просторов,
По-прежнему упорен и суров,
Почетными огнями семафоров
Отмечен путь составов и ветров.

Пусть под шатром полярного сиянья
Проходят Обью вздыбленные льды,—
К пустынному подножию Тянь-Шаня

Индустрии проложены следы.

Где камыши тигриного Балхаша
Качают зыбь под древней синевой.
Над пиками водонапорных башен
Турксиб звенит железом и листвою.

И на верблюжьих старых перевалах
Цветет урюк при синей чайхане,
Цветут огни поднявшихся вокзалов,
Салютуя разбуженной стране.

Здесь, на земле истоптанной границы,
Утверждены горячие века
Золотоносной выюгою пшеницы
И облаками пышного хлопка!..

Сергей Васильев
(Россия)

ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ

Голодная степь! Ты веками лежала немая,
опаленная солнцем, распятая горькой бедой.
Голодная степь! Мы с тобой побратались, родная,
распахали тебя и речной напоили водой.

Голодная степь! Не видать ни конца и ни края.
Ты сегодня проснулась, как сад на заре, ожила.
Влажный ветер летит, благодать над тобой простирая,
нежный хлопок цветет, величавые славя дела.

Голодная степь! Так тебя называли веками.
Но советские люди в сухое безмолвье пришли
и своею душой, и привыкшими ладить руками
воскресли из мертвых бесплодные дали земли.

И теперь широко по настойчивой воле народной
зазвенели над степью счастливые песни труда.
Хоть зовешься ты, степь, по старинной привычке
Голодной, но голодную степью тебе не бывать никогда!

Павел Вилипс
(Латвия)

МАРГИЛАНСКИЙ ШЕЛК

Расцветки шелка маргиланского
Живее маков и огня.
Идут узбечки... Смотрят ласково
И дружелюбно на меня.

Шел Ферганой — зеленым городом,
И Самаркандом знойным шел,
И видел всюду: алый с золотом
Узбечкам плечи обнял шелк.

Цветут в Ташкенте розы белые
Среди чинар и тополей,
Но мне узбечки загорелые
Цветов изнеженных милей.

Их кожа с медными отливами,
Как своды арок, брови их,
Как полдень, их глаза счастливые,
Как полночь, тьма волос густых.

Они работать любят с песнями,
Для света дня открыт их взгляд,
И губы — персиков прелестнее —
Улыбку добрую хранят.

В снегах рождались реки горные
И умирали средь песка.
Про те столетья память черная
И посейчас еще горька.

Без окон стены глинобитные,
А там, за ними, — слез ручей,
Томились женщины забитые,
Не видя солнечных лучей.

Под паранджой томилаcь каждая,
Не видя, как жизнь хороша.
И, похороненная заживо,
Любви не ведала душа.

А нынче снежные и алые
Для них красуются цветы,
И навсегда понятно стало им,
Как много в жизни красоты.

Шелка сверкают переливами,
Как маки пестрые в саду,
И я с узбечками счастливыми,
Смеясь, по улице иду!

Перевод с латышского В. Тушиновой

ФЕРГАНСКИЙ КАНАЛ

Среди полей, где рис и хлопок сеют,
Легла дорога нитью черной,
Через сады, где абрикосы зреют,
Она ведет к вершинам горным.

Здесь карагач листвой темно-зеленой
Покрыв дувал, раскинув ветви,
И по тропинке, солнцем опаленной,

Завидев нас, бегут к нам дети.

Пылает зноем небо голубое,
Цветут сады благоухая,
А люди трудятся прилежно в поле,
Сухую землю разрыхляя.

Едва арык откроют — заструятся
По бороздам воды потоки,
Чтобы под осень с хлопковых плантаций
Им урожай собрать высокий.

Сверкают платья яркие узбечек,
Покрыла руки позолота;
Они в полях встречают теплый вечер,
На смуглых лицах — капли пота.

И красоте, богатству и приволью
Невольно радуется каждый;
Фруктовый сад и рисовое поле
Уж больше не томятся жаждой.

Давно прошли нужды лихие годы,
Заботы нищета бывшая,
Когда своею кровью здесь за воду
Платили труженики баям.

С высоких гор, сверкающих снегами,
Стекали шумно водопады;
Они терялись, встретившись с песками,
Не принося полям прохлады.

И было решено тогда народом
Большой канал прорыть в долине,

Чтоб нес он влагу нивам плодородным,
Чтоб здесь сады цвели отныне.

Прошла вода серебряной струною
По землям, солнцем иссушенным.
И край, что раньше погибал от зноя,
Стал садом пышным и зеленым.

Под благодатной лиственной прохладой
Стоим, любимся долиной...
Стекая с гор, ручьи и водопады
Слились в канале воедино.

Бегут к полям звенящими струями,
Чтоб людям помогать в работе;
Пусть знойное у нас над головами
Сияет солнце в небосводе,—

Оно листву не опалит лучами,
Оно не высушит суглинок:
До самых гор, сверкающих снегами,
Цветет Ферганская долина!

Перевод с латышского В. Алатырцева

Василь Витка
(Белоруссия)

УЗБЕКСКИЙ ШЕЛК

На склоне гор расцвел тюльпан,
нам душу веселя.
Узбекистан, Узбекистан —
волшебная земля!

Краса цветка, как здешний шелк,
нарядна и строга.
Воспеть просторы, где я шел,
торопится строка.

В воспоминаньях пронесу
тех скал суровый вид,
долины в дымке и росу,
что, как полынь, горчит...

...Мираж арыком, может быть,
вас привлечет в пути,
но жажды там не утолить
и тени не найти!

Немало дерзкого труда
должны вложить мы тут,
пока сюда придет вода,
пока ключи забьют!..

Узбекский шелк, за нитью нить
раскрась узор годов!
Ты радугой сплошной обвить
вселенную готов.

Здесь что ни ткач — волшебник, маг;
в узор стоцветный тот
кто ирис, кто нарцисс, кто мак,
кто лилию вплетет...

А попадется василек —
не удивляйся, друг:
пусть наш бесхитростный цветок
вольется в общий круг.

...Как ярко ты цветешь, тюльпан,
на склоне гор крутом
Узбекистан, Узбекистан —
гостеприимный дом!

Перевод с белорусского И. Михайлова

Андрей Вознесенский
(Россия)

ПОМОГИТЕ ТАШКЕНТУ

Отрывки из поэмы

Помогите Ташкенту!
Обгоревшим штакетником
Вмята женщина в стенки.
Помогите Ташкенту!

Если лес — помоги,
Если хлеб — помоги,
Если есть — помоги.
Цирк горит. Как могильщик,
воет клоун в каскетке.
Помогите Ташкенту.

Ты рожаеть, Земля.
Понимаю величье момента.
Все ль оправдано для?
Помогите Ташкенту!

Нас шатает, Ташкент,
Говорят, здесь красивые горные
станут массивы.
Но настолько ль красиво,
Чтоб живых раскрошило?
Сумасшедшая мать,
тебя любим тернисто.
Но детей пожирать?!
Черта в том материнстве!
Я, Земля, твое семя,

часть твоя—как рука или глаз.
В сейсмоопасное время
Наша кровь убивает нас!
С материнской любовью
лупишь шкафом дубовым,
Не хотим быть паштетом.
Помогите Ташкенту...

...На руинах, как боль,
слышны аплодисменты—
Ловит девочка моль.
Помогите Ташкенту!

Эдик Аванесов
(*мастер спорта*)

«Верка,
я тебя откапываю,
Милая,
ну, потерпи, поживи хоть капельку...»
Пальцы в кровь. Лопатку бы. Крича,
В щебне задышало полплеча
«...Эдька, ты нашел? Ты рядом.
Да ведь?
Как рубашку, дом с меня раздень.
Давит!
Вся горю от извести, гвоздей.
Штукатурка, пепельниц осколки,
Вязь переплетенного вранья,
Сколько
Этого вливается в меня!
Милые, ведь я ж живая!
Но в бетоне
Будущим пижонам на гербарий —

Нежные
спрессованы ладони!
Накупала. Не спала до одури.
Погибаем от того, что создали?
Милый, поцелуй... Оставь меня...
Над тобой поехала стена...»
В голове шумело,
Плыл песчаник,
Шли века.
В женское плечо твое впечатались
Лозунги из «Огонька».

Один выскочил в пижаме. В левой руке нес пепельницу. Правой продолжал стряхивать в нее пепел.
«Посылаю семьдесят рублей тчк Прошу передать детям чьи родители погибли тчк Это из отпускных тчк МАРКЕЛОВ Держинск Горьковской области».
После беседы с муфтием, где шепот карная перебивался телефонными звонками, еду к новому циркульному кинозалу. Он не пострадал. Новое дерзко держится.
Она стонет на носилках. Волосы ее — химические белокурые, откинута. У корней они темные. Сантиметра на четыре. Полосой. Видно, она прекратила краситься, отращивала естественный цвет. Мечтала стать шатенкой.

Помогите Ташкенту!
Сад над адом. Вы как —
колоннада откушена.
Будто кукиш векам,
Над бульваром свисает пол-Пушкина.
Выживает назло
всем смертям хамоватым.
Как тебя натрясло,
Белый домик Ахматовой!

Для того я и жил,
выжил в экспериментах,
Чтобы наспех сложить:
«Помогите Ташкенту!»
Есть кровь — помогите,
Есть кров — помогите,
Где боль — помогите,
Собой помогите!
Возвращаю билеты.
Разве мыслимо бегство
От твоих заболевших,
Карих, бедственных!
Разве важно, с кем жили?
Кого вызволишь — важно.
До спасенья — чужие.
Лишь спасенные — ваши.
Аварийные рощи завалились
в витринах,
Аварийные лозы
В волосах аварийных.
Голым сердцем дрожишь,
Город в странной ладони пустыни,
Мой Ташкент, моя жизнь,
Чем мне стать, чтобы боль отступила?
Я читаю тебе
В сумасшедшей печали,
Я читаю Беде
В сумасшедшей качели.
Я читаю «Беде»,
Чтоб хоть чуть полегчало.
Разве знал я в тот год,
Треугольная груша Ташкента,
Что меня трясанет
Грушевидным твоим эпицентром!

Как шагает наш дом.
(...Милая, как ты? Цела ли? Не поцарапало?
Попытаюсь дозвониться... тщетно...)
Зарифмую потом.

Записки Ташкента

«Над чем работают Казаков, Ахмадулина, Мартынов?» «Почему не доходят досюда тиражи поэтических книжек?», «Почитайте «Озу», «Плач по двум поэмам», «Расскажите о Р. Лоуэлле, Одене». «Как вы относитесь к «Пахтакору»?»
Здесь был дом Керенского. Сохранилось фото— мальчик играет в школьном оркестре. Два месяца назад он подошел ко мне в Нью-Йорке. Лицо было горько.
Землетрясение не трогает деревья. Почти все их.

Человека пристукнуло —
Помолчите моментно.
Помощь завтра преступна.
Помогите Ташкенту.
Если мы забуреем,
Козлетоном своим юбилейным,
Станем жить рикошетно,
И на слезы затянешься «Кентом»,
Ты нажми, как гашетку,
«Помогите Ташкенту!»
В парке на карусели
Кружит пара весь день напролет.
Из-под камня в крушеньи,
Как ребенок, будильник орет!
Дым, шашлычники жарят,
а подземное пламя
Лижет снизу базары,
Как поднос с шашлыками,

Сад над адом. Скрижаль.
Вверх ногами мораль колупатая.
«Продается рояль.
Новый. Вынос за счет покупателя».
Мы — мужчины, Ташкент.
Нам привычны ушибы.
Станешь ты белоснежной легенд.
Помогавшим спасибо!
Вам спасибо, танкетки,
Кеды, кепки, бешметы,
Вы, поэты, ташкентцы,
Устоявши — бессмертны.
Мэры, звезды, студенты,
Липы, возчицы хлеба,
Дышат в общее небо...
Не будите Ташкента.
Как далось это необыкновенно недешево.
Нету стен. Только небо.
Нету крыши надежнее.
И не кто-то там где-то —
Эдик, Ляля, Тамара —
Спят вблизи аммонала.
Помогите Ташкенту.
Инженер — помогите,
Женщина — помогите,
Понежней — помогите,
Город на динамите.

Души домов

Кирпичные скорлупища. И тут же
Висят домов кубические души.
Душа мечты, души двух хибар,
Душа № 17/12.

Они воспоминаньями дымятся,
Они не понимают — погибать,
Они висят зеркальными мирами.
В них топят печи.
Плачут.
Ждут гостей.
Л женщина квартиру прибирает...
Нет крыши. Ветер. Не мешайте ей.
Прощайте, души!
Будет стиль и сталь,
Крылатые собаки,
вам снится
В дубравах, на зеленых черепицах,
И будет дуб стонать по чаепитьям.
Жаль.
Помогите Ташкенту.
Всем.
Не заповедь в 8 баллов,
А анкета,
Не от Матфея, Луки, Павла —
От Ташкента:
«Так ли живешь?
Жизнь? Ложь?» —
и еще 7 других вопросов.
Ради Боли ответь!
Словно Совесть душевная,
Сотрясает весь свет
Белый город в крушеньи!
Он глядит из Беды.
(Погодите закусывать кетой)
Будьте так же чисты!
Помогите Ташкенту!
Адвокат, не продай,
Балерина, махните бессмертно,

Чтоб прошлоь но рядам:
«Помогите Ташкенту».
Вы,
клубок литтарантулов,
Не устали делить монументы?
Напишите талантливо!
Помогите Ташкенту.
Вы вдали?
Ваши окна
Меньше огненных мошек?
Боль нащупает — около.
Это тоже поможет.
Кукла под сапогами.
Помогите Ташкенту —
Как он вам помогает
Стать собой.
Он — Анкета.

Джордж Вулатта
(Танзания)

ПЕСНЬ

Это землетрясение...
Гул его все лютей
Рвался в дома весенние
Добрых и мирных людей.
О, нас задела недавняя
Горькая, скорбная весть,
Ташкенту — все сострадание,
Которое у нас есть...
Падали стены и крыши,
Висли,
Бедою грозя,—
Гул тот подземный услышали
Верные ваши друзья!..
Дом. А войти невозможно.
Дым, торопливый плакат,
Окна темнеют тревожно,
Строгие лица солдат.
Дети. Кричащие птицы.
Легкий толчок. Тишина.
Миг — и гроза разразиться
С новой силой должна!
Сломаны
Нежные лозы
В светлых ташкентских садах...
Больно рассказывать...
Слезы
Вспыхнуть готовы в глазах.
Но, собираясь в дорогу,
Весть ту услышав едва,—

Братья спешат на подмогу:
Киев, Тбилиси,
Москва!
Слышите,
Снова и снова
Мчатся, стучат поезда,
Люди не будут без крова,
Скоро отступит беда!
Рядом —
Красавцы кварталы.
Ими любуюсь, идем.
Город мечты небывалой
Дружбой людей возрожден.
Сила могучая — дружба,
Лучшую песнь ей пою.
Так бы
Всем вместе нам нужно
Строить планету свою!

Перевод с суахили Р. Фархади

Габдулмажит Гафури
(Татарстан)

ГОСТЯМ ИЗ УЗБЕКИСТАНА

Золотом песен южных степей
Приехали вы одарить друзей.
Как прилетает в наши края
Весны залетный гость — соловей.

Всем своим сердцем я слышать рад
Ваших песен напевный лад.
В свободной стране, где мы живем,
Нет для дружеских встреч преград.

Дружбу свою мы всегда бережем.
У нас, счастливых мирным трудом,
Слиты и помыслы и мечты.
Мы — братья! Отчизна — наш общий дом.

В труде сроднились мы навсегда,
Все у нас общее — нефть, руда,
Золото песен, золото нив,
Расцветшие села и города.

И радостно мне на исходе дней,
Поэту, певцу уральских степей,
Кари Якуба, Тамару Ханум —
Посланцев дружбы, наших гостей
Приветствовать тихой песней своей!

Перевод с татарского В. Бугаевского

Рауль Гонсалес Туньон
(Аргентина)

ГАФУРУ ГУЛЯМУ

Над нами разное небо, разные звезды.
Тебе по душе бы пришелся наш
Южный Крест.
А мне — это вольное небо,
небо лазурного полдня,
твое небо, Гафур.

Да, между нами лежат океаны и горы,
просторы земли и небес,
вся география карты гигантской земной.
Древний язык узбекский
чужд моему уху —
и для тебя так же
наши наречья звучат.
Но нечто нам общее:
честь человека,
влюбленность в грядущее паше,
и в эту жизнь, и в мир.

Слава, о братский народ,
вступивший в наше завтра!
Туда, где плоды труда
слаще меда на вкус.

СТРОКИ УЗБЕКИСТАНУ

Ты — зеркало века.
Ты знамя.

Ты пламя,
что путь озаряет идущим!
О нищие страны
в повязках набедренных,
вот вам пример.
Гордитесь, что есть такое
на нашей старой планете —
страна надежды,
страна воплощенной мечты,
отряд человеческий,
открыто шагающий к свету...

Перевод с испанского А. Наумова

Го Сяо Чуань
(*Китай*)

ПОЧЕМУ ТАК БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ!

Почему так бьется сердце?
Почему я горд и рад?
Над громадами Ташкента
пламенеет красный флаг.

Тополя в убранстве белом,
на Восток бросая взгляд,
Мне по-дружески кивают:
поздравляем, милый браг!

Па молоденькой узбечке яркий,
красочный наряд.
Пьем за дружбу!
И бокалы ослепительно горят.

Почему так бьется сердце?
Ярче всяческих легенд —
Зал огромный, гул приветствий,
дружбы гордые слова.

Все наречия понятны
в этот радостный момент.
Я — писатель, ты — писатель,
мы приехали в Ташкент.

Наша миссия прекрасна,
благородна наша цель,
Мы возвысим голос мира,
мы войне воскликнем: «Нет!»

С азиатским континентом —
африканский континент.
Пусть от родины любимой далеко уехал ты —
Здесь, в Ташкенте, очень много,
очень много теплоты!

Перевод с китайского Л. Черкасского

Семен Гудзенко
(Россия)

ТУРКЕСТАНЦЫ У ОДНОПОЛЧАН

Тишина осенняя в далеком
милом гарнизонном городке,
где стрижи
без устали
вдоль окон
ловят свои тени на песке,
где с деревьев —
орешин и урючин —
каждый лист достоин лечь в альбом,
а не будь арык таким живучим,
пыль стояла б лессовым столбом.

Тишина полдневная.
И странно,
даже на плацу, где «вечный бой»,
не слышать трубы и барабана,
не видеть людей на огневой.

— Где же полк? — дежурного майора
спрашиваю в штабе, как всегда.
— Вышел в поле.
— Ждете?
— Нет, не скоро.
— Как же быть?
— А двигайтесь туда...

Вещмешок я за спину и ходко,
большаком укатанным пыля,
двинулся с волнением первогодка

в полк родной на ближние поля.
Получив особое задание,
что всегда пехоте по душе,
и выгоревшем обмундирование
он стоял на главном рубеже.
Хлопок прошлой осенью был славный,
по, гражданский выполняя долг,
не для хлопка на рубеж свой главный
передислоцировался полк.

Он в песке летучем, как в тумане,
то ложился, то вставал опять,
постигая с искренним стараньем
трудную «науку побеждать».

Я иду, на мельника похожий,—
пыль и зной! — а вот шагать не лень.
— Эй,— кричат мне,—гвардии прохожий!
Можешь заработать трудовень!
— Что же, я не против.
Где лопата?
— Окопаться сможешь?
— Не забыл!

...Не забыл всего, чему когда-то
старшина дотошный обучил.
От арыков тень ползет сырая,
как от переправы фронтовой,
и стрижи, в потемках фигурия,
на аэродром уходят свой.
Тишина.
И вдоль дороги хлопок,
как сугробы под Вертушино,
где полку в завьюженных окопах

право на бессмертие дано.

* * *

Полковых оркестров перезвон
на рассвете будит гарнизон.

Гаубичных восемь битюгов
вкатывают солнце из песков.

И вода искрится, как алмаз
под небыстрый гусеничный лязг.

Танк идет сожженною стерней,
словно гром, окованный броней.

Держит направление этот гром
в пригород, на пыльный танкодром,

ходят там на разных скоростях.
Есть порядок в танковых частях!

По соседству белый городок,
как десант, спустился на песок,
сдвоил за ночь домиков ряды,
приютил искателей воды,
и хотя построен на песке,
выстоял на лютом сквозняке.

Кто сказал, что самоходный гром
беспокоит стройку за бугром?

Разве от ревающих дизелей

новоселам жить не веселей?
Разве не спокойней в наши дни,
если рядом, в нескольких шагах,
гарнизона мирные огни
отсветом домашним на песках?

* * *

Над танкодромом
в сумерках
прощальный
с полнеба круг пунктиром обвели
и в Африку,
на юг колониальный,
не торопясь поплыли журавли.

Не говорливой галочьей оравой,
а строго, как по азимуту взвод,
за головной походною заставой
станция молчаливая плывет,—
как песнь без слов
в осеннем небе чистом,
в степной не потревоженной тиши.

...Глядят с брони чумазые танкисты,
в замасленных спецовках крепыши.

И говорит, по пояс встав из люка,
башнер, невоевавший паренек:
— Куда летят? Ну что им с того юга?
Я б лично в рабстве дня прожить не мог.

— А я бы мог, — басит водитель. — Дело
нашлось бы в той неволе для меня

такое, чтоб земля вокруг гудела
и небу стало жарко от огня!

И он в сердцах рванул машину с места,
как на таран повел, не тормозя,
как будто на холмах у переезда
томились в рабстве черные друзья.

...Полиловела и зарделась кромка,
как лычка, на три пальца от земли,
когда на степью грустно и негромко,
прощаясь, затрубили журавли.

Виктор Гусев
(Россия)

ДРУЖБА

Вспомним наше старое оружие,
Взгляд коня, песков немую гладь.
Я вам расскажу, как умирает дружба,
Как она не хочет умирать.

Год двадцатый.
Фронт.
Измена.
Поражение.
Бухара в тревоге.
Фергана в огне.
Фрунзе адъютанту дает распоряжение:
«Двадцать три курсанта пригласить ко мне».
Адъютант из школы нас немедля вызвал,
Дать отсрочку отказался наотрез.
Так была дорога нашей жизни
Партией повернута в Хорезм.

Выйди в сад, покрытый белой пеной,
Девушка, слезу свою утри!

Мчались мы — узбеки и туркмены,—
Мчались мы — нас было двадцать три,—
Горсточка! Но в хауз бросишь камень —
По воде круги идут, живы.
И вставали древние дехкане
Первой Красной гвардии Хивы.
Мы, еще не видевшие видов
(Старший был двадцатилетним — я).

Их_ вели на банду Джунаида
Сквозь свинец английского литья.

Ночью,
в мутном облаке рассвета,
Пал с коня товарищ Разумбетов.
Пуля, просвистевшая угрюмо,
Грудь его прожгла наискосок.
И упал он в пламя Каракума,
В неизвестной давности песок.
Ног его уже касалось тленье.
Он уже, казалось, в вечность врос.
Но в последнее свое мгновение
— Я прошу,—
оп громко произнес,—
Кланяться лучу, что утром брызнет,
Кланяться друзьям, с которыми знаком,
И воздвигнуть над моею жизнью,
Над моею молодостью холм.

Здесь дорог, вы знаете, немного,
Я, ваш друг, не находясь в живых,
Буду вам холмом указывать дорогу
В ваших переходах боевых.
Вы меня заройте у колодца.
Пусть рассеется забвенья дым.
Пусть колодец этот назовется
Незаметным именем моим.
И когда в боях за власть Советов
Эскадрон, устав, придет сюда,
Командир воскликнет:
«Разумбетов!
Значит, близко отдых и вода».

Мы его зарыли на рассвете.
На холме отметку сделал я.
Скоро вырос холм второй, и третий,
Пятый, и семнадцатый...
В боях
Падали товарищи.
Но грозно
Бились мы у дорогих могил.
Лучше, чем по самым точным звездам,
По их дружбе я дорогу находил.
И, разбив врага Страны Советов,
Холм завидев, я кричал всегда:
«Шашки вон, ребята!
Разумбетов!
Значит, близко отдых и вода».

Мир гремит.
По долгу службы
Я опять в пески несу оружие.
Надо мною желтый ветер кружит,
Горе ударяет мне в виски.
Вижу:
на бессмертье нашей дружбы
Поднялись и бросились
пески!
Пронеслись —
и прежних тропок нету.
Где твой холм,
твой голос, Разумбетов?
Двадцать три курсанта!..
Гаснут звезды,
Падают миры и города.
И к глазам моим подкатывают слезы —
Непривычная для них вода.

Двадцать три курсанта!
Дружба!.. Слава!..
Смолкнет все, как этот ветер смолк.
Между тем походкой величавой
Мой узбекский двигается полк.
Между тем текут струей железной
Грозные колхозники мои,
Бригадиры дальнего Хорезма,
Скотоводы из Сурхандарьи.

И поют, и песня мчится гордо
Вдоль земель, во всех морей концы.
Шашки вон во славу наших мертвых!
Наши мертвые — не мертвецы.
Шашки вон во славу нашей дружбы,
Перешедшей рубежи времен!
Шашки вон во славу нашей дружбы,
Наших старых, выцветших знамен!..

Николай Дамдинов
(Бурятия)

РАЗГОВОР С МАЛЕНЬКИМ САМАРКАНДЦЕМ НАДЫР-ДОРЖИ

В Самарканде, где среди былей
Бродят тени легенд толпой,
Крепкой дружбой мужской скрепили
Мы знакомство наше с тобой.

Только в дом я вошел, как тут ты
Мне навстречу шагнул, пострел,
И уже через три минуты
На коленях моих сидел.

И в глаза приветливо глядя,
Галстук ручками теребя,
Ты признал меня сразу дядей,
И племянником — я тебя.

Повытаскивал ты игрушки
И принес мне их все: «Держи!..»
Вот так нравимся мы друг дружке,
Дорогой мой, Надыр-Доржи.

За твоим различаю смехом,
Как две крови в тебе бурлят:
По одной ты — узбек узбеком,
По другой — ну, совсем бурят!

Знаешь, твой отец, между прочим,
Когда шли мы через вокзал,
Интересную, даже очень,
Мне историю рассказал:

Как приехал в Москву-столицу,
Самарканд покинув, Махмуд,
Чтоб наукам разным учиться,
Поступил Махмуд в институт.

И училась — сама прилежность —
Там студентка Ичин-Хорлоо.
Забайкальских звездочек нежность
Загорелась в глазах светло.

И случилось такое с ними:
Повстречались они, любя...
Потому-то двойное имя,
Дорогой мой друг, у тебя.

Пятый годик — считай по пальцам!
Ох, и знающий ты мужик!
Самаркандцу и забайкальцу
Русский — тоже родной язык.

Твоей маме стихи читаю.
По-бурятски звучат слова,—
Пусть пред ней хоть на миг предстанет
В дымке лет степей синева.

Очень нравится мне твой город.
Друг душевный, Надыр-Доржи:
Человек, трудом своим гордый,
Поднимает домов этажи.

А базар! Он зовет и манит!
И обходишь его пока —
Солнце алым лучом румянит

Сочных яблок и дынь бока.

Вот что в дружбе с водой и солнцем —
Русский он, бурят иль узбек —
Может волей, трудом бессонным
На земле создать человек!

...Подрастешь — и тебя в музеи
Папа с мамою поведут,
На доспехи древних глазей,
Ты о многом узнаешь тут.

Побываешь ты в Гур-Эмире,
Где Железный Хромец лежит.
Думал он, что извечно в мире
Власть мечу лишь принадлежит.

От гробницы пытливым взором
Обратишься ты, человек,
К башне мудрости, из которой
В звездный мир смотрел Улугбек.

...Станешь сильным, красивым парнем,
Будешь строить дома, мосты
Или, может, на звездах дальних
Неземные растить цветы.

Но во всех твоих испытаниях,
В шторм и в бурю, в любой самум
Пусть щитом твоим будет знание,
Пусть мечом твоим будет ум.

Знаю я, что в сердечке юном.
Где зажегся пушкинский стих,

Будет место для строк Уйгуна
И, быть может, для строк моих.

А пока ты достал игрушки
И принес мне их все: «Держи!...»
Вот как нравимся мы друг дружке,
Дорогой мой, Надыр-Доржи.

В Самарканде, где среди былей
Бродят тени легенд толпой,
Крепкой дружбой мужской скрепили
Мы знакомство наше с тобой.

Перевод с бурятского А. Карпенко

Сергей Данилов
(Россия)

БАЛЛАДА О ЧЕТЫРНАДЦАТИ КОМИССАРАХ

В ночь с 18 на 19 января 1910 года в
Ташкенте, на улице Стрелковой, у стены
казармы, белогвардейскими мятежниками
расстреляны четырнадцать туркестанских
комиссаров.

Не блестела в ту ночь луна.
В тусклых отблесках фонаря
Покачнулась в глазах стена,
И упали бойцы Октября.

Бездыханно лежит ревком,
Расстрелял его белый сброд.
Перед тем как упасть ничком,
Комиссары шагнули вперед.

На фуражках четырнадцать звезд
В мраке ночи ярко горят.
Без команды наемный взвод,
Перетрусив, шагнул назад.

Комиссары не сдали рубеж,
Был железным последний шаг...
В пекле гнева сгорел мятеж,
В буре мести раздавлен враг.

Привокзальная площадь полна,
Словно улей летний, гудит.
Монументом стала стена,
У которой ревком убит.

На граните — кумач знамен,
Комиссары вперед идут.
И четырнадцать славных имен
В благодарных сердцах живут.

Если снова война загремит
И полезет на Родину враг,
Комиссары оставят гранит,
Чтобы сделать железный шаг!

Дикейн Даниял
(Монголия)

РАХМАТ

Я в первый раз пришел на эту землю —
О, как ее просторы хороши!
Всем сердцем простоту ее приемлю
И, как ребенок, счастлив от души.

Ее трудолюбивому народу,
Что в степи гнал живительную воду
И встретил нас в приветливом краю,
Поклон моей земли передаю.

Узбекистан!
Не чуждым самозванцем
Я осознал стремления твоя.
Я стал голодностепцем, самаркандцем
И полюбил навеки Навои.

Пусть изъясняюсь на другом наречье,
Но бесконечно повторять я рад:
За дружбу, за цветы, за счастье встречи
Прекрасное и вечное рахмат!

Перевод с монгольского Л. Таракановой

Абдусалом Дехоти
(Таджикистан)

ГОРА БЕЛОГО ЗОЛОТА

Известны издревле Эльбрус, Гиндукуш, Гималаи,
И люди твердили, что, на облака опершись,
Уходят громады их дальше в надзвездную высь,
Руду драгоценную в недрах своих укрывая.
И всюду звучал песнопений торжественный хор:
«Не снег — серебро на вершинах раскинуто гор».

Но Средняя Азия в нашу прославилась пору
Делами чудесными славных своих сыновей.
Воздвигли они не из глины, руды и камней —
Из белого золота необычайную гору,—
И выше она всех доныне известных громад,
Ценней всех сокровищ, что недра земные таят.

А за рубежом любопытных столпилось немало,
Прельщенных еще неизвестной ученым горой.
«Откуда она?» — к нам с окрестных отрогов порой
Чужого богатства любителей речь достигала.
Узбекский колхозник на это ответ им давал:
«Гора — это хлопок, что я для отчизны собрал!»

Узбекские степи, вы неисчерпаемым кладом
Бесценного белого золота стали теперь.
С хирманами хлопка равняться едва ли теперь
Возможно и самым прославленным горным громадам.
Узбекский народ, ты великой победы достиг.
И делит с ним радость и счастлив за брата таджик.

Узбек и таджик, мы согреты мечтою единой —

Для счастья любимой отчизны трудиться и жить.
И в золотоносные земли, в цветник превратить
И твой Мирзачуль и зеленую Вахша долину.
Я верю, свершатся заветные наши мечты:
Из белого золота вместе воздвигнем хребты.

ВЕЧНА ЖИВОЙ

Со дня твоей смерти полвека прошло, Мукими,
Но песен бессмертных нетленно чело, Мукими.

Кто жил для народа, с ним горе и радость деля,
Того не поглотит бесследно сырая земля.

Счастливой мечтал ты увидеть родную страну.
Взгляни на расцветшую землю — свою Фергану:

Народ изменил ее лик неустанным трудом,
И белого золота стала она родником.

Ты пел: «Если б был я в Иране иль в Хинде рожден,
Но сын Ферганы... Разве песней прославится он?...»

Теперь ты гордился б прекраснейшей из долин,
Долиной, в которой ты самый прославленный сын.

Ты жив для таджиков, как жив для своих земляков,
И имя твое мы вплетаем в созвездья стихов.

И стоит узбеку начать твою песню, как вмиг
Певучие строки подхватит с любовью таджик.

Узбечка споеет: «Что черней твоих глаз, твоих кос?...»

Таджичка подхватит: «А щеки пунцовее роз!..»

Под небом безоблачным в нашем счастливом краю
Зефиру прохладному песнь уподоблю твою.

Со дня твоей смерти полвека прошло, Мукими,
Но песней бессмертной увито чело Мукими.

Живым ты остался, с народом сроднившись душой,
Ведь имя твое — Мукими, значит — «вечно живей!»

Перевод с таджикского В. Бугаевского

Андрей Дементьев
(Россия)

ПИСЬМО В ТАШКЕНТ

У нас еще снег на полях,
У вас уже шум в тополях.
У нас еще ветер и холод,
И нету на солнце надежд,
И кажется пасмурным город
От теплых и темных одежд.
У вас уже все по-другому:
Струится с небес синева,
И каждому новому дому
К лицу молодая листва.
У нас еще пашня — что камень.
И бродит в лесу тишина.
Пошли мне улыбку на память...
С нее и начнется весна.

БАЛЛАДА ОБ ИМЕНИ

Мы с ним случайно повстречались
в ташкентском аэропорту,
когда, туманом опечалась,
чай смаковали поутру.

Он был находчив в разговоре,
и откровенен, и умен,—
узбек по имени Григории
(в краю, где нет таких имен).

И я спросил его об этом,

откуда имя, мол, у вас?
— Он помрачнел
и мне поведал
свой удивительный рассказ:

Меня отец назвал Сайором.
По всем законам старины
узбекским именем,
с которым
я жил с рожденья до войны.

А Гриша — это имя друга.
То имя горестной вины...
Я с ней прошел четыре круга,
четыре года той войны.

У стен столицы утром ранним
наш танк был подожжен, подбит.
Я был контужен.
Гриша ранен.
А башенный стрелок убит.

Пробитый чуть ли не навывлет,
танк стать могилой мог для нас.
Каким-то чудом Гриша вылез,
меня извлек и жизнь мне спас.

А сам погиб...
Сквозь боль и ярость
я клятву дал тогда ему,
что если только жив останусь,
то имя Гришино возьму.

Чтоб долго жил он вместе с нами

на доброй родине моей,
чтобы о нем светилась память
в глазах узбекских матерей.

Когда в Москву я приезжаю,
я к другу верному спешу:
могилу в поле навещаю.
К стене Кремлевской прихожу.

И вновь рассказываю Грише,
как мы живем в родном краю.
И все мне кажется —
он слышит
взволнованную речь мою...

Узбек умолк,
как после песни,
в которой все слова болят...
— Он был земляк ваш.
С Красной Пресни.
Теперь навек и мой земляк.

Элисео Диего
(Куба)

* * *

Ты, Узбекистан,
Славен не одними куполами,
Славен хлебом,
хлопком
и делами.
Ты, Узбекистан,
Был когда-то хан,
Страшен так,
как вы и не поймете,
Девушкам, что в танце —
как в полете.
А теперь им дан
Ты, Узбекистан!
Смеха ураган —
Радуются старики и дети,
Веселей их не найти на свете!
Если мы поищем на планете,
Где еще так солнце дружбы светит,
Лучшая из стран —
Ты, Узбекистан!
Там, Узбекистан,
Где Голодной степи гладь молчала,
Песня новой жизни зазвучала,
Чтобы детство каждый день встречало,
Как цветок,
чье светлое начало —
Ты, Узбекистан!

* * *

Жаждущая, рваная, безводная,
В ранах, изнывающих от соли,
Эта степь, огромная, голодная,
Покорилась беспросветной доле.

Но пришли, в любви своей упорные,
Люди, чтоб спасти ее от жажды,
Выложили реки рукотворные,
Вымыли от яда стебель каждый.

Степь шумит садами, хлопком славится,
Над пустыней рощи раскачала,
И в цветках, как в жемчугах красавица,
Засмотрелась в зеркало канала.

В САМАРКАНДЕ

Один за одним кусочки —
мастер кладет мозаику,
в купол грани лепляя.
Под светлым солнцем апрельским
поет далекая птица
и расцветает кустарник.
Ну как же кускам не слепиться?

И средь мозаик твоих,
на швах мозаик твоих
прорастают цветы и я.
И снова мастер
нам жизнь возвращает,
воспевая прекрасное завтра.

О, как светит солнце в мозаиках!
Прошедшее солнце апреля,
грядущее солнце апреля
по мозаикам Самарканда
звенит, отскакивая,
разливаясь праздничной трелью.

Перевод с испанского Н. Булгаковой

Евгений Долматовский
(Россия)

УЗБЕКИСТАН

Есть у моей страны большой цветок,
В коробочке он ожидает срока.
Четырехгранен каждый лепесток,
И спит внутри жемчужина Востока.

Диковинный цветок — он сводный брат
Налившейся украинской пшеницы.
Ему молдавский близок виноград,
С ним белорусский синий лен роднится.

Как облачко июньское, он бел
И древен, как бухарское преданье.
Узбекский хлопок родину одел,
Он нарядить сумел бы мирозданье!

Он флагами по ветру шелестит,
Он крепко обнимает нас с пеленок
И провожает через мирный быт
До гимнастерки воина зеленой.

Лелея тот цветок, расцвел народ.
Впервые за века теперь он молод.
Седой старик — ферганский хлопковод —
Звезду героя носит: Серп и Молот.

К нам будущее рвется на порог,
Мы узнаем его характер ярый.
С каналов веет новый ветерок,
И новый город вытесняет старый.

...За гранью гор, в пустыне где-нибудь,
Густой и душной азиатской ночью
Выходит человек на новый путь —
Он хочет счастье увидеть воочию.

Как хлопок, проплывают облака,
Бряцает колокольчик каравана,
И светит путнику издалека
Высокая звезда Узбекистана.

ЦЕЛИННИКАМ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

В строительно-монтажном управленье
Я видел планы, кальки, чертежи.
Потом в степи явились нам виденья —
Построенные за год миражи:
Лучи широких улиц двухэтажных,
И мелиоративный институт,
И тот вагончик, ссохшийся от жажды,
Где первую газету издают.

Да, здесь, в степи, где не гнездилась птица,
Где было суслику не прокормиться,
Где, как горячий иней, солонцы
Хрустели на сухой и мертвой почве,—
Фронт развернули юные бойцы,
В своих домах обосновавшись прочно.
Какое счастье — создавать мираж,
Который не исчезнет, не растает!
Товарищи! Я славлю город наш,
Где первые деревья подрастают.

В строительно-монтажном управленье
Висит декрет на щитовой стене,
Где подписью «В. И. Ульянов (Ленин)»
Давно открыт в пустыню путь весне.
Цветут сады в районе Беговата,
Прохладу первозданную неся,
Война, потом разруха виноваты,
Что степь еще освоена не вся.

На приступ! Тут земля еще не знала
Такого взлета стройки и страстей.
Пейзаж Голодностепского канала
Развернут в марсианской красоте.
Курится, упираясь в небосвод,
Асфальтовая новая дорога,
И добродушный толстый хлопковод,
Как врач, ощупывает землю строга.
А на бороздке жадно воду пьет
Египетского хлопка первый всход.

Целинники Главголодностепстроя
(Ну и название, господи, прости!),
Живя средь вас, я не искал героя —
Хотелось вместе с вами мне расти.

Все мелкое, как пыль, несется мимо.
Мы строим, остальное — суета.
Вы добровольцы сотворенья мира,
А выше во вселенной нет поста.

Я вас к грядущей красоте ревную,
Которая не требует прикрас.
...А степи эти переименуются,
Забыв, как называли их при нас.

ГОЛУБОГЛАЗАЯ УЗБЕЧКА

Глаза прозрачные, как речка,
Косички светлые, как лен,
Голубоглазая узбечка,
Тобою каждый удивлен.

Ты в пестром шелковом наряде,
В руках — тяжелые цветы.
Не просто любопытства ради
Я должен знать — откуда ты?

А зовут тебя?
Не Галя,
А по-узбекски Галия?
Но может обмануть едва ли
Краса нездешняя твоя.

Как ни была бы ты одета,
Проступят в облике твоём
Прохлада северного лета
И ландыш на лугу лесном.

Тебе напоминать не надо,
Как в страшный год везли сюда
Дистрофиков из Ленинграда
Ободранные поезда.

И на испуганном вокзале,
От грома черного вдали,
Узбеки сирот разбирали,
В халаты завернув, несли.

Какою взрослою ты стала!
В твой дом пришел поцеловать
Я руку той узбечки старой,
Что для тебя — вторая мать.

Николай Доризо
(Россия)

ПРИШЛИ В ПУСТЫНЮ

Весной здесь не было весны;
Ни молодых побегов хлеба,
Ни ручейков.
До белизны
От солнца выгорело небо.

Кустов колючая тоска,
Следы зализаны ветрами,
И пламя желтое песка,
Сухое пламя под ногами.

Но как-то раз в пустой дали
Заголубли дима кольца,
Костры повсюду расцвели —
Пришли в пустыню комсомольцы.

Чтоб хлопок вырос у воды
В глухом далеком Мирзачуле,
В пустыню двинулись сады
И полководец их — Мичурин.

Шеренги нового леска
Навстречу солнцу поднимая,
Бежит река,
звенит река —
Струится песня голубая...

Пробились первые цветы
Бессмертной молодости нашей.

Ты поседеешь, станешь ты
Мудрей, спокойнее и старше.

В хлеба высокие в рассвет
Придешь с пытливым сыном вместе.
Колосья комсомольских лет
Найдешь на том же самом месте.

Колосья юности своей
Ты тронешь ласково рукою,
Пусть прошло немало дней,
Но юность здесь, она с тобою!

Не стерся след твоей руки,
И пред лицом тысячелетий
Простые эти колоски
Прочнее мрамора и меди.

Ты здесь прокладывал капал,
Тесал упрямый голый камень,
Ты реки мощные сгибал
В дугу вот этими руками.

А сколько ты ночей не спал
В мечтах о будущей плотине,
И проросли, и зацвели
Колосья первые в пустыне...

Сорви тот колос налитой
И приколи к своей петлице,
Как славный орден трудовой,
Живое золото пшеницы!..

Юлия Друнина
(Россия)

ТАШКЕНТУ

Когда взлетали к небу города
И дыбом уносились ввысь деревни,
Издалека, величественный, древний,
Сиял Ташкент, как добрая звезда.

Да он и вправду доброй был звездой
И самым щедрым городом на свете:
Великой опаленные бедой,
К нему стекались женщины и дети.

Забудут ли когда-нибудь они,
Согретые тобою, о минувшем!
Твои незатемненные огни
И скромное твоё великодушие!

Да, скромное.
Неброское.
Порой
Как будто виноватое немножко:
«Мол, я обычный город,
не герой,
Мне не грозят обстрелы и бомбежки,
Я не Москва, не Минск, не Ленинград.
Я — тыловик,
хоть в том не виноват».

...И вдруг в Ташкент нагрянула беда!
Как грохот бомб,
подземных гроз раскаты.

Здесь фронт,
передний край,
здесь все — солдаты,
Теперь «в тылу» —
другие города.

...Вновь люди выбегают за порог.
Полы и стены оживают снова.
Опять земля уходит из-под ног —
В прямом,
не переносном смысле слова.
Моя земля!
Что случилось с тобою?!
Ведь другом ты была на поле боя!

Ты помнишь,
как,
отчаянно бранясь,
Мы падали, спасаясь от налета,
Коль в пыль — так в пыль,
А если в грязь — то в грязь:
В твоих объятьях замирала рота.
Земля,
пехоты верная броня,
Как храбро защищала ты меня!
А ведь была изранена сама.
Измучена траншеями,
устала...
Так что ж,
земля,
теперь с тобою стало?
Качаются деревья и дома.
И ты опять уходишь из-под ног...
Но знает город —

он не одинок.

Трубят фанфары бешеных ветров,
Летят листвы зеленые знамена:
В Ташкент!
В Ташкент!
К нему со всех сторон,
Как в дни войны,
приходят эшелоны.
Теперь они на выручку спешат
По зову сердца,
по велению долга.

Здесь и Москва,
и Минск,
и Ленинград,
Амур, и Днепр,
и Енисей, и Волга.
В своей спокойной гордости велик,
Антенны душ на мужество настроив,
Он стал легендой,
город-фронтовик —
Собрат военных городов-героев!

Евгений Евтушенко
(Россия)

НА САМАРКАНДСКОМ БАЗАРЕ

На самаркандском базаре,
набитом дивными дивностями,
выкрикивают басами
и тонко выводят дискантами.
Высытятся
тяжко дышащие,
с различнейшими названиями
дыньки,
дыни
и дынищи
горообразованиями.
Таинственно благоуханны
пучки целебной травы,
и нежатся баклажаны,
лоснясь, как морские львы.
На алые зерна граната,
на ткани твои,
Маргилан,
смотрю,
как смотрел когда-то
на Индию Магеллан.
Какая земля щедрая
от доброй своей теплоты
на небо,
на птичьи щебеты,
цветы,
улыбки,
плоды!
А ты вот в какой-то скупости

прячешь себя от людей,
я бы сказал,
не от скудности,
от скованности своей.
Живи же празднично,
ярко,
учись многоцветью земли
Будь щедрым на краски,
как ярмарка,
сверкай,
гуди
и звени!

ТРУД

Есть говорить без дела мастера,
Есть мастера на то, чтоб делать дело,
что б ни случилось —
делать —
нощно,
денно,
с утра до ночи,
с ночи до утра.
Труд молчалив.
Что толку с ремесла
галдеть то в преклонении,
то в панике!
И осыпаются бессильно словеса
перед трудом.
Он сам себе — как памятник.
Пушай бездельник
говорит красно,
он зря,

пыхтя,
в бессмертие суется.
Но если слово тоже труд,—
оно,
как труд,
бессмертным в мире остается...
Есть по-узбекски слово мощное —
«устод»,
что значит «мастер» —
мастер самый первый.
У них,
устодов,
свой законов свод —
шаир ты или пекарь!
Я славлю дело ваше, трудное,
простое,
то дело,
что попробуй замени —
добра и справедливости устои,—
устоды нашей матери —
Земли!
Но вы землю труд не замыкайте!
Земля труду
как бы трамплин дана!
...Есть в Самарканде,
древнем Самарканде,
обсерватория старинная одна.
Она была больших надежд обитель,
в пятнадцатый жестокий,
темный век,
забыв аллаха на свою погибель,
когда-то бредил небом Улугбек.
Л после дети плакали, отчаясь,
зеваки привставали на возах,

и молча голова его качалась
С непознанными звездами в глазах.
Вновь в голову отрубленную чью-то
вонзалась пика бледным острием,
но все равно смотрел на звезды чутко
какой-нибудь подпольный астроном...
Где это все,
что их труду мешало —
шурпой отяжеленные купцы?
Где знахари?
И где муллы,
ишаны.
И прочие духовные скопцы?
Все, что не труд,
все пропадает пропадом,
и только труд спокойно устоит,
и вот сейчас
навстречу звездным пропастям
наш труд,
будя Вселенную,
летит!
И потому,
смотря вперед сквозь годы,
где к звездам движутся земные корабли,
пою не только вас,
Земли устоюды,—
пою устоюдов
Неба
и Земли!

Жале
(Россия)

ЗВЕЗДА УЛУГБЕКА

Когда-то в седом Самарканде,
Познавшем и власть, и набег,
Смотрел на высокие звезды
Седой звездочет Улугбек.

Стояли высокие звезды
Над белой чалмою всю ночь.
А он то предсказывал войны,
То сына сулил или дочь.

Удачу сулил каравану,
Разбойнику — страшный конец.
И видели звезды, как горько
Смеялся и плакал мудрец.

Погасли глаза звездочетов...
Над прахом их славных могил
Летят голубые ракеты
Средь тайного хода светил.

Никто не останется в горе!
Никто не пребудет в беде!
Я счастье умею предвидеть
По самой высокой звезде.

Сияньем Любви и Бессмертья
Она озаряет наш век.
О, если б ее ты увидел,
Мой предок, седой Улугбек!

Перевод с персидского Ю. Кушака

Тлеуберген Жумамуратов
(Каракалпакстан)

ХЛОПОК

О хлопок! Ты гордость узбека и слава!
Ты — мир на земле, идеал чистоты,
Тобой мы, красавец, гордимся по праву,
Во всех наших думах и помыслах ты.

Твоя чистота белоснежна, кристальна,
Лебяжьим крылам не сравниться с тобой;
По нашей земле ты идешь триумфально,
Рожденный слиянием солнца с землей.

Чем выше, пышней белоснежные горы,
Тем краше и солнечней жизнь на земле.
Найдется ли в жизни дехканин, который
Приветствует друга без яств на столе!

Когда к нам фашисты ворваться дерзнули
И бросили вызов отчизне моей,
Наш хлопок стал верным помощником пули —
Везде настигал и разил палачей.

Недаром же назван ты «золотом белым»,
Дороже парчи твой взлелеянный грамм;
Подвластный рукам мускулистым, умелым,
Несешь ты богатство несметное нам.

Лишь тот, кто стремится к намеченной цели,
Способен к намеченной цели прийти.
О братья-узбеки, вы с честью сумели
Преграды смести на нелегком пути.

Батыры Ташкента, Нукуса, Ургенча
Взнуздали коней, поднимая весь край,
Чтоб общей победой в боях был увенчан
Поход за невиданный здесь урожай.

И ринулись люди в поля, как в атаку,
Про отдых и сон забывая порой.
Я тоже от имени каракалпаков
Пошел в этот славный, неистовый бой.

Пошла в наступленье стихия каналов,
Пошли рисоводы, пошли рыбаки...
Такого республика наша не знала.
Привет вам, узбеки, мои земляки!

Шагали мы с вами по-братски, бок о бок —
В упорном бою отставать ни к чему!
Гигантское сердце республики — хлопок!
Ему отдавали мы щедрость Аму.

Мы знали: закончится труд наш ударный
И вырастут горы — белее, чем снег.
За «белое золото» мы благодарны
Тебе, бескорыстный учитель узбек.

В сердцах наших бился восторг созиданья,
Грядущая цель перед нами была.
Мы знали: напористость, воля, дерзанье
Способны всегда на большие дела.

Немало мы пролили жаркого пота,
Народ-богатырь — легендарный Рустам.
Мы двигались к цели, кипела работа,

В полях было тесно стальным скакунам.

Я славить героев полей не устану.
Их воля сильнее аральской волны.
Вам, мирные воины Узбекистана,
Чудесные руки природой даны.

Наш хлопок — отрада и слава узбека,
Он дружбой республики наши спаял.
На свете не сыщете вы человека,
Который не знал бы о нем, не слышал.

Текут по стране нашей белые реки,
Народы приветствуют наших дехкан.
Ты «золотом белым» прославил навеки
Себя, героический Узбекистан!

Смекалистый ум, сила рук, сила знания
Нам выстоять в жаркой страде помогли...
Отчизна, твое боевое задание
Мы выполнили и к победе пришли.

Ты, хлопок, могущество нашей державы!
Ты факел дерзания и творческих сил.
Венчаешь ты храбрых немеркнувшей славой,
Ты орденом Ленина нас наградил.

Пусть белыми реками хлопок струится,
Он — счастье народа, его дастархан.
Да здравствует брат мой, узбек смуглолицый!
Да здравствует солнечный Узбекистан!

Перевод с каракалпакского Г. Юнакова

Наири Зарьян
(Армения)

ПРИВЕТ УЗБЕКИСТАНУ

Тебе привет мой пламенный, тебе стихи мои,
Узбекистан, край сказочный, отчизна Навои!

Воспел мою Армению твой Алишер, ему
Любовью за любовь плачу, собрату моему.

Безмерную, бессмертную красу страны моей
Он видел, твой великий сын, поэт и чародей.

Армянская красавица вплела в его мечты
Долин моих и гор моих прекрасные цветы.

Очами он влюбленными увидел наш рубин
В сокровищнице царственной—красавицу Ширин.

Нашел его и во дворце поэзии хранит,
Лишь тем, кто любит пламенно, вход во дворец открыт.

Но лишь в оправе наших дней звеном он братства стал,
Своею вечной красотой над миром засиял.

Певцу моя Армения платила, как могла:
Его в книгохранилищах заветных сберегла:

Меж переплетов кожаных своих библиотек
Хранила клад стихов его она из века в век.

Народ мой хлеб свой и дома в огне терял не раз,
Но в книгах гений свой сберег, нетленный, как алмаз.

Но с книгами певцов своих, несокрушимый, рос,
И Алишера Навои к нам рукопись донес.

Ее в знак братства вечного народу шлет народ—
Армения, как дар, ее Узбекистану шлет.

Примите же ее и с ней привет моей любви,
Облек ее почтительно я в бейты Навои.

Перевод с армянского А. Глобы

Еркеш Ибрагим
(*Казахстан*)

ЗУЛЬФИЯ

Прогрохотал у станции состав,
И тосковать меня заставил вдруг он:
Он вез стихи, густую зелень трав,
Дыхание горячечного юга.

И все составы я встречал один
На пыльном неприветливом перроне.
А вдруг Фархад и вместе с ним Ширин
Поедут в металлическом вагоне?!

Согнитесь, сопки,— я встаю горой.
Все сбудется, чего я пожелаю!
Я на дороге, где пройдет герой,
Ковром багряным сердце расстилаю.

Я рельсы, словно руки, протяну
До горизонта, до степного края.
Я здесь встречаю вечную весну,
Я вечную мечту мою встречаю.

В непостижимых строчках Навои
Приходят в гости к нам друзья-узбеки,
Как собственные помыслы мои
О мире, о добре, о человеке.

Я соберу букет в родном краю —
Цветок к цветку, как будто к слову слово,
Чтобы достойно встретить Зульфию,
Ей подарив красоты Борового.

Пускай она вдохнет и ветер наш,
Неяркой красоте увидит цену,
Пускай она возьмет живой пейзаж
И, как картину, прикрепит на стену.

Перешагну я через сотни гор:
Любовь моя — надежная опора.
Я принесу н подарок наш простор
И спине прозрачные озера.

Пускай они раздвинут плоскость стен,
Чтобы покоем голубым разлиться,
Чтоб лебедь, о котором пел Сакен,
Над раненой кружился лебедицей.

Полюбят пусть друг друга две страны,
Как две сестры, как две страницы в книге,
Пусть одинаковые видят сны
И слышат горе в лебедином крике.

Пусть молчалива разность языков,
Но ты мои дары не шли обратно.
Ведь истинная музыка стихов
И не переведенная — понятна!

Ты по моим родным местам тоскуй,
Как я по родине твоей тоскую...
И вот на полувзвук смолкнет мой,
Чтобы минуту не спугнуть такую.

Пусть ласточки бездумно сотни раз
Над удивленным озером взлетают,
Пусть куй в неповторимый этот час

Свечою догоревшею растает!

Пусть будет Кокчетав стоять таким,
Каким Сакен его видал однажды...
Замру я неподвижно рядом с ним,
Исполненный неуголимой жажды.

Перевод с казахского И. Озеровой

Вера Инбер
(Россия)

ПЕРСИК

Был тонок, тоньше тросточки,
И ростом невысок
Из персиковой косточки
Поднявшийся росток.

От засухи едва живой,
Карабкался юнец.
И все, качая головой,
Решили: «Не жилец».

Еще врага широкий клин
Над Волгой нависал,
Еще фон Паулюс в Берлин
Реляции писал.

А был решен уже в Кремле
Проект Фархадской ГЭС,
Уже на кальке, на столе
Был дан ее разрез.

Изображен был путь воды:
Край изменил лицо,
Здесь были целые сады,
Не то что деревцо.

Их окаймляли тополя
Зеленою стеной,
Хлопчатник покрывал поля
Роскошной сединой.

Завод там вырос, Беговат,
Где, совершая труд,
Десятки тысяч киловатт
По проводам бегут.

Где излучает сталь в ковше
Солнцеподобный свет,
И сталевар с огнем в душе
Сияет ей в ответ.

Голодная лежала степь,
Как слезы солона,
Теперь довольно ей пустеть,
Ей будет жизнь дана.

Большие новые места,
Расти им и расти!
Их надо было в жизнь с листа
Теперь перенести.

И приступает Фархадстрой
К большой Фархадской ГЭС.
Но трудности росли порой,
Казалось, до небес:

То лютый ветер валит с ног,
На все кладет запрет,
Не выпускает за порог,
Да и порога нет.

Землянок временных приют,
Не греют очаги,
Оконца света не дают,

Несладко — хоть беги.

В пещере, где встречал Фархад
Красавицу Ширин,
С трудом был размещен отряд
Строителей плотин.

Не сделается эта быль
От времени бледней,
Легенды золотая пыль
Тускнеет перед ней.

То сорок градусов в тени,
Змеиный блеск песка.
В арыках — трещины одни,
Казалось, смерть близка...

То превращается вода
Из друга во врага:
Минута каждая тогда,
Секунда — дорога.

Миг — и плотину бы снесло,—
Гнев Сырдарьи велик,
Не хочет в новое русло,
А человек велит.

Заклокотала Сырдарья:
«Сейчас я упраздню
И человека-муравья,
И всю его возню».

Но над большой Фархадской ГЭС
Встал человек-титан,

Пошел реке наперерез,
Ответил ей: «Не дам!»

С лопатой, кетменем, киркой
Под гул, и плеск, и свист
Рванулись на борьбу с рекой,
И первым — коммунист.

И был повернут вековой
Реки могучий ствол.
И, разъяренный, грозовой,
Стихает ропот волн.

Уже они бегут, стремясь
Свой обновить приют,
Уже, воркуя и смеясь,
Они воронки вьют.

А у плотины головной
Они, как водопад,
Дымятся радугой двойной
И жемчугом кипят.

Вспоенные Фархадской ГЭС
Селенья зацвели.
То был не мнимый рай небес,
А зримый рай земли.

* * *

Корзину персиков в Москву
В подарок шлет колхоз.
Их погрузили в синеву,
Их самолет унес.

Они извлечены на свет
И в вазе голубой
Дипломатический обед
Украсили собой.

И зарубежный дипломат,
Галантный, как всегда,
Отметил вкус и аромат
Советского плода.

И дипломат, подняв бокал,
На персик поглядел:
Плод был наполовину ал,
Наполовину бел.

Оратор молвил: «Шар земной
Напоминает он,
Который надвое одной
Чертою разделен».

Но дипломат был близорук,
Он несколько косил,
Благодаря чему не вдруг
Он персик раскусил.

Лишь поднеся его ко рту,
Он понял наконец,
Что заповедную черту
Перешагнул багрец.

Что пурпур, обтекая шар,
Повсюду проступая.
И гость, утратив речи дар,

Не допил свой бокал.

И был смущен, как никогда,
Тот мистер или лорд,
Хозяин улыбнулся: «Да,
Такой уж это сорт...»

Воскликнем же и мы вослед:
«Такой уж это сорт!»
С лица планеты алый цвет
Вовек не будет стерт.

Чтобы алеющий Восток
Все далее стремил
Всепобеждающий поток
Животворящих сил.

ХЛОПОК

Осень, осень в Узбекистане:
Ночью — холодно,
днем — жара.
Хлопок спит еще,
но местами
Просыпаться уже пора.

Прихотливый, теплолюбивый,
Неуступчивый, как алмаз,
Многokrатно он ждет полива:
Поливай его много раз.

Чтобы был этот куст прилежен,
Чтобы он без иных забот

Был коробочками обвешан,
Словно елка под Новый год.

Помогай ему распушиться,
Не жалея для него труда,
Наша северная пшеница
Обходительнее куда.

Но когда он добром ответил
На труды человеческих рук —
Белый хлопок,—
и сам он светел,
И светло от него вокруг.

Меж полей, на колхозном стане,
Стол, скамья, небольшой навес.
Хлопок держит здесь испытанье
И на качество и на вес.

Утрамбованная площадка
До соринки подметена.
В небе — тоненькая, как прядка,
Молодая стоит луна.

Точно втайне облюбовала
Это место на небесах,
Под которым уже немало
Хлопка взвешено на весах.

Белым золотом серебрится
За день собранная гора.
Удивительный свет на лицах
В эти ясные вечера.

Но ведь хлопок не только житель
Андижана и Ферганы,
Он выходит как победитель
На великий простор страны.

Все сорта его и оттенки
У Отечества на счету.
Хлопок с хлебом в одной шеренге,
Он с металлом в одном ряду.

И батиста и целлюлозы
В нем основы заключены,
Он для города и колхоза,
Он для мира и для войны.

Он в коробочку силу прячет,
Чтобы громом взрывных работ
Был еще один, новый начат
Путь, которым вода пойдет,

Чтоб, отторгнутый у пустыни,
Вырос в зелени новый сад,
Где в безоблачном небе синем
Грозди розовые висят.

Миклай Казаков
(Марийская республика)

У БЕРЕГА МОРЯ

Словно игривый шалун-стригунок,
С гор прибежал к нам, резвясь, ветерок,
Слыша, как мы говорили, не споря,
Встал, словно вкопанный, встал возле моря,
Гриву свою уложив на песок.

Друг Мухаммад! Ты того назови,
Кто бы сегодня не знал Навои!
Рядом с Айдын, черноглазой женою,
Берегом моря идешь ты со мною,
Мысли созвучны — твои и мои.

Ты меня можешь спросить, например:
Как до марийцев дошел Алишер?
Как по-марийски звучали газели.
Как в рубаяты влюбиться успели
Те, кто душою не стар и не сер?

Строки его — словно вишни в цвету!
Да, мы постигли стихов красоту.
Голос поэта бессмертен — не тает,
Не расплавляется, не замерзает,
Вестником дружбы несет доброту!

Долго беседуем мы. Возле ног —
Спит, золотясь, ветерок-стригунок.
Песни хороших марийских поэтов
Тоже звучат по-узбекски! Поэтому
Здравствовать рукопожатиям строк!

Перевод с марийского С. Макарова

Римма Казакова
(Россия)

В ГОСТЯХ

*Труженикам хлопкосовхоза
имени газеты «Правда»
Сырдарьинской области Узбекистана*

Вспоминаю совхоз Рахманкулова.
Бил фонтан возле самых столов.
И мешал нам торжественный гул его
в изречение торжественных слов.

Миндалем самаркандским измазаны,
мы вместили уже кое-как
все, что съедено было и сказано,—
и шурпу, и шашлык, и каймак.

В нервном деле своем твердокаменный,
пас снимал, заслонив с хитрецей
яркозубую молодость камерой,
оператор по имени Цой.

И душой, и обличем не местные,
в чем-то местными ставши уже,
восхищались поэты немецкие
местной жизнью и вслух, и в душе.

Золотило закатное зарево
золотистую роскошь стола.
И, как девочка, гостья из Загреба
прямо горстью клубнику брала.

Не прослав едоками бывалыми,
плов отвергли мы, как ни грешно.
Стали наши движения вялыми...
Только Цой был фанатик кино.

Он твердил с упоением: «Кушайте!»
«Ешьте!» — он повторял, как приказ.
«Понимаете, этим сослужите
вы великую службу для нас.

Хорошо бы, конечно, родиться и
век прожить там, где — прадед и дед...
А у нас только будут традиции,
потому что и прошлого нет.

Мы снимаем работу кипящую,
свадьбу, той, рождение детей,
все как есть: просто жизнь настоящую
новоселов — без всяких затей.

И когда-нибудь тот, что в пеленочке
нынче что-то лопочет с трудом,
благодарно увидит на пленочке,
как родной его строился дом.

И про то, что в труде показатели
у отцов были, скажем, — вполне...
И как к нам приезжали писатели,
чтоб прославить совхоз по стране...»

...Солнце красило щедрыми красками
все, к чему прикасалось перстом.
И, Голодную степью обласкана,
я в раздумье была непростом.

Жизнь и после меня, знала, выпадет
разве детям моим да стихам...
А на пленке не так это выглядит:
я, друзья и такой дастархан!

Я по части чудес не ученая, —
да и нет их, ученых, кажись! —
но возникла надежда смущенная
на почти бесконечную жизнь.

Нет, не просто залетною птицею,
обозревшею все, что вокруг, —
стану прошлым совхоза, частицею
этих дел, этих лиц, этих рук.

И в порыве немного завистливом
к тем, кто начал их правдинский род,
где-то там, в отдаленном, немыслимом,
пленки Цоя прокрутит народ.

Скажут люди: «Работа потрясная!»
Вспомнят, что привело нас сюда...
И мгновение это прекрасное
будет длиться и длиться всегда.

Аркадий Каныкин
(Россия)

ХЛОПКОВОЕ ПОЛЕ

Люблю смотреть на хлопковое поле.
Бегут за горизонт за рядом ряд.
В бороздках между ними тонкой соли
разводы на сухой земле блестят,

как будто на рубахе хлопкороба
горячим ветром высушенный пот...
Ползут вдоль поля медленные тропы.
Орел по кругу медленно плывет.

Под тусклою листвой шероховатой
попрятались от зноя до поры
с зарядами нежнейшей белой ваты
зеленые упругие шары.

Земля, я не могу представить даже,
как ты прядешь из солнечных лучей,
из сока своего такую пряжу.
До осени осталось мало дней...

И ты спешишь, я вижу, ты устала...
И вскорости неслышный грянет взрыв
шаров по твоему, земля, сигналу,
сияньем хлопка поле озарив.

Юрий Карасев
(Россия)

ЛИК БУХАРЫ

Я брожу по узеньким улицам
Древней, выгоревшей Бухары.
Вон старик в халате сутулится —
Очевидец минувшей поры...

Вон в листве, как в зеленой пене, —
Трехвековой тутовник застыл...
Вон на новой телеантенне
Белый аист гнездо себе свил.

Я стою и дивуюсь, согретый —
Нет, сожженный восторгом дотла! —
На узорные минареты,
На лазурные купола!..

Тут история путь себе торила...
Караваны веков пробрели...
Но история — это история,
А сегодня я был в Газли.

Никли травы в желтой агонии,
Била пыль из-под автоподков...
Как из фильмов Антониони —
Блеск индустрии средь песков!

А над схемами спорили истово,
От табачного чада в слезах,
Молодые специалисты
С острым блеском в умных глазах...

...Где весна — многотравным разливом,
И где степь, словно мир, широка,
Я бродил с чабаном молчаливым —
Звездоносцем, членом ЦК.....

Гул машин на хлопкозаводе
Чуть звенящий — на свой манер...
Тут но-мудрому верховодил
Сын дехканина — инженер.

Новый век до краев заполнил
Этот край пустынь и жары...
Вот таким я увидел, запомнил
Лик сегодняшней Бухары.

Люди новой, высокой доблести...
Новорожденные города...
Побывайте в Бухарской области,—
Вас опять потянет туда.

ЗАРАФШАН

Я знаю: город будет,
Я знаю: саду цвести...
В. Маяковский

Мы летим на трескучем биплане.
Под крылом — пески и пески...
Голова словно в желтом тумане
От бескрайней этой тоски...

В зыбком мареве — дальние горы,

Сколько кладов у них под пятой!
Вдруг внизу — игрушкой — город.
Ярко-красный.
Золотой...

Мы все ниже.
Город все ближе...
В завтра плыть ему, как кораблю!.,
Я его рождение вижу,
Я дыханье его ловлю...

Современный, живой, веселый!
Юность — с радугой пополам!
И идут не спеша новоселы
По своим житейским делам...

Ветер сажены хрупкое дразнит,
Зеленеет ясень светло...
Тут — событие,
маленький праздник,
Если деревце зацвело...

Небо в знойной истоме стынет.
А в бассейне шумит детвора!
И не веришь,
что ты в пустыне,
Что кругом — «ни кола, ни двора»...

Да, бессильна пред нами природа.
Держат верх наша мудрость и риск!
«Волей партии.
Руками народа», —
Так гранитный гласит обелиск.

И я вижу, что город — будет!
И цветов тут будет — не счесть.
И все это, рабочие люди,
Вам на счастье и в вашу честь.

Йонка Краева-Тенчева
(Болгария)

МОЙ ВТОРОЙ ДОМ

Солнцезарный Ташкент,
я вернусь к тебе!
Здравствуй, шелест листвы!
Здравствуй, город прекрасный!
Стал ты домом вторым в беспокойной судьбе,
Я с тобою делю твои будни,
твой праздник.

И в студенческой шумной семье я своя.
И поля,
что блестят серебром,
мне знакомы.
Для меня свою песню поет Зульфия,
Стих Гафура Гуляма мне скажет: «Ты дома!»

Покоренной пустыне несу я привет,
Там огни Навои —
россыпь звездную вижу...
Край узбекский!
Даришь ты тепло мне и свет,
Твои люди мне братьев дороже и ближе.

Для людей расцветают твои города,
Для людей твои нивы, сады твои, недра...
И останешься ты мне родным навсегда,
Дом второй —
край узбекский,
радушный и щедрый!

Перевод с болгарского З. Тумановой

Якуб Колас
(Белоруссия)

ЧИМГАН

Под летним покровом, огромный, могучий,
Сквозь просинь возносится к небу Чимган.
Там спит на вершинах холодный туман,
На плечи крутые склоняются тучи.

Как некий несметно богатый властитель,
Все в новых одеждах красуется он:
Дарит ему солнце расцветку и тон,
И звезды сучат золотистые нити.

Как сказочный замок в тиши вековой,
Он башнями скал небосвод распорол,
Где в гордом спокойствии горный орел
Один озирает простор бесконечный...

Но выше Чимгана летят мои думы,
Туда, где край неба с равниною слит,
Где мир необъятный широко открыт,
И родину вижу я серой, угрюмой.

Грозой смертоносной Чимган и не тронут,
Спит мирно в горах первобытный покой.
В отчизне ж моей, горемычной такой,
Кровь, горе да слезы сливаются в омут.

Эх, горы и скалы, долины и кручи,
Во веки веков нерушимый Чимган!
Вы в сердце моем не залечите ран
И боли моей не избудете жгучей.

Стоит нерушимо Чимган белогривый,
Как витязь, расправивши плечи.
По склонам кочуют лучей переливы,
На землю струясь издалече.

Внизу же Чимган шумит, не стихая,
Зажатый в каменном ложе,
Звенит однотонно, и песня глухая
Гудит и уняться не может.

По скатам пологим желтеющих взгорий
Таинственно шепчут арыки,
Цикады звенят и в немолкнущем хоре
Чимган прославляют великий.

Когда ж среди гор в облачении черном
Ночь гостьей нежданною ляжет,
И каждый утес неусыпным дозором
В безмолвии встанет на страже,—

Тогда небосвод, необъятный, как море,
Гирляндами звезд загорится,
И небо предстанет в расшитом уборе,
Как будто готовясь молиться.

Великий покой, приглушенные звуки,
А небо все — жизнь, трепетанье.
И голос томящей вседневной доуки
В торжественном тонет сиянье.

А скатится звездочка с синего луга,
Листочком кленовым пылая,
Й вспомню тогда я далекого друга,

По ком я так часто вздыхаю.

Перевод с белорусского Б. Иринина

УЗБЕКИСТАНУ

Пришел мой час. Я покидаю
Тебя, узбекский край,
И тяжело ласковому краю
Сказать: «Прости! Прощай!»

Иное небо надо мною
Матер раскинет свой.
Огнями ярких зорь весною
Ты вспыхнешь предо мной.

Я всей душой своей почую
Твоих степей простор.
Я отблеск солнца поцелую
С узбекских дальних гор.

Припомню город, шумный, звонкий,
И парки, и сады,
Салар, узор арыков тонкий
И тополей ряды.

Я вспомню храм тиши, покоя —
Заснеженный Чимган.
И по тебе душа занает,
Край гор, Узбекистан.

В тяжелый час войны суровой
Ты дал приют и мне.

С узбеком мы слагали слово
И песни о войне.

И меч один мы с ним ковали
На злобный вражий стан.
Ты обогрел меня в печали,
Мой брат, Узбекистан.

Повеял снова ветер вешний
Над нашею землей.
Прими же, друг, ты с этой песней
Привет прощальный мой.

Перевод с белорусского С. Сомовой

Сайфи Кудаш
(Башкирия)

ПОДАРОК

Гафуру Гуляму

Нет у меня от товарищей тайн,
Мне ликованья не скрыть своего —
Еду я в солнечный Узбекистан,
К другу сердечному на торжество.

В час, когда стал собираться я в путь,
Давней привязанностью рождено,
Братское чувство наполнило грудь,
Сердце мое окрылило оно.

И расстояния все сократив,
И на пути не встречая преград,
Мной овладел этот жаркий порыв,
Думы к тебе устремились, мой брат.

В путь отправляясь, я думал о том,
Что же тебе я могу подарить,
Чтоб засверкала бесценным огнем
К сердцу от сердца бегущая нить.

Тут я увидел улыбку зари,
Что серебристой омыта росой:
«Другу сиянье мое подари,
Пусть залюбуется вешней красой!»

Тут соловей отозвался вблизи,
Пышные ивы примолкли вокруг:

«Песню мою ты в Ташкент отвези,
То-то обрадован будет твой друг!»

Заговорили цветы, что с полян
Сладкое благоуханье струят:
«Ты из Башкирии в Узбекистан
Наш отвези полевой аромат!»

Шумом густых тополиных ветвей
Заговорила родная земля:
«Есть ли для друга подарок пышней,
Чем зацветающие тополя?»

Если б я мог, я привез бы, друзья,
Все обаянье башкирской земли —
Краски рассвета, журчанье ручья,
Наших бескрайних степей ковыли.

Если б я мог, я привез бы вам в дар
Струп моей Ак-Идели родной.
Наши цветы из долины Сакмар,
Трель соловья, что пленяет весной.

Но не сумели б и эти дары
Выразить лучшие чувства друзей,
Пусть и прекрасны дары и щедры —
Ценности есть у народа щедрей.

Друг мой Гафур, перед всею страной
Сердце тебе открываю я вновь:
Вон он, подарок немеркнущий мой —
Это старинного друга любовь.

В этом подарке — всей дружбы тепло,

Крепость союза, что нерасторжим.
Братству, что радость земле принесло,
Зрелые годы свои посвятим.

Мне поручил передать мой народ
Этот подарок — веленье любви.
Пусть же единство народы ведет!
Дружба падежная, вечно живи!

Перевод с башкирского Я. Хелемского

ПАМЯТНИК НАВОИ

На южном небе звезды-самоцветы,
Чаруя взор, мерцают нежным светом,
Как будто в поле, памятном доныне,
Горит нежгучий серебристый иней...

Прохлада ночи день сменила жаркий.
Причудливее стали кущи парков,
Слышней арыков песенных журчанье,
Призывнее цветов благоуханье.

На площади искристые фонтаны
Вздывают, словно радуги, султаны.
В такую пору сердце ищет сердце,
Заветное, свое исполнить скерцо...

Шел пять веков прославивший когда-то
Сограждан заурядного Герата,
Чтоб самому воочью убедиться,
Что есть на свете города жар-птицы.

И вот он встал, виденьем изумленный,
И с возвышенья мраморной колонны
Глядит и все никак не наглядится...
И кажется, что шелестят страницы

Тетради Алишера знаменитой:
Он пишет песнь о чувстве пережитом,
Такую песнь, что не было и нету
У самого великого поэта.

Перевод с башкирского Н. Борискина

Анатолий Кудрейко
(Россия)

САМАРКАНДСКАЯ НОЧЬ

Я на крыше лежу, на узбекских коврах...
Собеседница, ты, молодая луна,
ты в жемчужный поток все, что есть во дворах,
вовлекла, неистраченной силы полна.

Фосфорический блеск подарила стене,
и под лестницей жметя пугливая тень.
У воды словно в длинной стоишь простыне,
и сады — словно волны, лишь двигаться лень.

Чуют гордые башни дыханье гор:
камень любит прохладу, а вовсе не жар.
Неспроста в лунном инее вспыхнул Шер-Дор,
а ведь облик его исключительно стар.

Солнце любит и жжет, жизнь дает и берет.
Я все лето не слышал веселых дождей.
В сад арыки спешат, словно путники в грот,
бормотанье ручьев ждет безмолвья ночей.

Как узбечка, луна,ходишь ты в водоем,
уронив ожерелье из белых монет,
и не знаешь о том, что мы только вдвоем,
что нигде во дворах соглядатаев нет.

Голубой минарет стал еще голубей:
как сапфировый столб, устремляется ввысь!
Изразцы драгоценны по воле твоей —
и попробуй ты взглядом от них оторвись!

УЗБЕКСКИЙ ДВОРИК

Я саманный самаркандский дворик
от души приветствовать готов...
Как он сладок, как он, в общем, горек,
едкий дым бездомных очагов!

Люди топят хворостом мангалки
в душном абрикосовом саду,
о колено переламывают палки,
варят очень скудную еду

и без мыла ветхие пожитки
трут в эмалированном тазу.
Дремлет дряхлый ослик у калитки,
этим не пугая стрекозу.

Каменные белые строенья,
обступив сады и водоем,
приютили столько населенья,
в дни войны утратившего дом!

Узнаю я рослых киевлянок —
прямо украинский хуторок!
Слышу говорок их спозаранок,
мягкий и певучий говорок.

В маленьких овалах медальонов —
смелые, веселые глаза...
Побледнев, встречают почтальонов:
«похоронных» чудится гроза...

Виноград за глиняным дувалом
запотел, измаявшись в жару.
Голубь на карнизе обветшалом
не воркует — может, не к добру?!

С высоты на самаркандский дворик
заглядится с вечера лупа,
что сама могла бы, как историк,
про другие вспомнить времена:

в этот дворик не входило горе,
не слышал он черных новостей.
Розовые ветви на заборе
ззывали свадебных гостей!

Кайсин Кулиев
(Кабардино-Балкария)

ЗУЛЬФИЯ

Горит внизу горы осенний жар,
Блестит чуть выше снег ее покрова.
Я вижу снег и золото чинар,
И о тебе я вспоминаю снова.

Сестра моя, живи и хорошей,
Как прежде, суетой пренебрегая,
Напоминай мне о красе своей
Красою моего родного края.

Собратья, на тебя мы неспроста
Всегда смотрели восхищенным взором,
Твоя нас покоряла красота,
А чистота была для нас укором.

Мне кажется, что излучает свет
Вся жизнь твоя и ныне и вначале:
Беда, что ты познала с давних лог,
И мудрость нынешней твоей печали.

Что делать, если падает листва!
Я осень тоже причисляю к благу,
Недаром благородные слова
Ложатся ныне на мою бумагу.

Прекрасна в мире всякая пора,
Весну и осень равно я приемлю.
Позволь благословить, моя сестра,

Твою поэзию, печаль и землю.

Перевод с кабардино-балкарского Н. Гребнева

Леонард Лавлинский
(Россия)

АБДУЛЛЕ АРИПОВУ

Ночь за окном разметала
Серые космы.
В номер высотной гостиницы
Крадется мгла.
Черным вином запиваю
Год високосный.
Ты прочитал бы свое,
Друг Абдулла!

Азия брызжет из глаз
Полымем черным.
Перья созвучий белы,
Рифма — стрела.
Древняя чаша увита
Лавром и терном.
Пусть не увита —
Музыку пьем, Абдулла!

«Не подменяй солнышка
Яростью сердца.
Выкуй галактику
Полной величины
Или природному свету
Глубже доверься.
Наши подкожные замыслы
Обречены...»

Нет, не смогу, Абдулла:
Подлинник топок,

Взбалмошный век перепутал
Наши азы.
Златоволосой Рязани
Ты смуглолицый потомок.
Я ли истечь не готов
Кровью Хамзы!

Реют по комнате стал
Огненных строчек.
Рвутся гвоздики взлететь
К ним со стола.
В черном стакане
Видит на свет переводчик
Алую душу времен.
Прости, Абдулла!

Лахути
(Таджикистан)

УЗБЕКИСТАН

Узбекистан, твоих героев отважный род пою.
Величье славных дел твоих из года в год пою.

Ты разогнул могучий стан и сбросил горе с плеч,
Ты ринулся в смертельный бой и свой прославил меч,
Ты силу верную врага развеял в громе сеч,

Твою победу над врагом, о мой народ, пою,—
Узбекистан, твоих героев отважный род пою.

Страной искусства и науки ты, возрожденный, стал,
Ты рощей звонких соловьев, освобожденный, стал,
Благоуханным и цветущим, как сад зеленый, стал,

Твои богатые сады, твой цвет и плод пою,—
Узбекистан, твоих героев отважный род пою.

Вливает молодость в меня твой воздух золотой,
Твой чанг мою волнует кровь задорною игрой,
И пляшет радостно душа, заслышав голос твой.

Напевы пестрых птиц твоих, журчанье вод пою,—
Узбекистан, твоих героев отважный род пою.

Немало стран чудесных есть, — тебе подобных нет,
В моей признательной груди неизгладим твой след,
К тебе душа моя летит, как мотылек па свет,

Твой златоструйный Заравшан, твой небосвод пою,—

Узбекистан, твоих героев отважный род пою.

Подобны львицам молодым все девушки страны,
Отвагой юноши кипят, земли твоей сыны,
И жены и мужья твои для славы рождены.

Я поколение наших дней, его полет пою,—
Узбекистан, твоих героев отважный род пою.

Ты сердца верная любовь для всех, в чьем сердце свет,
Но кто возлюбит, как таджик, весенний твой расцвет,
Как твой единокровный брат, товарищ детских лет?

Я ныне молодежь твою, я твой оплот пою,—
Узбекистан, твоих героев отважный род пою.

Перевод с таджикского В. Левика

Владимир Лившиц
(Россия)

* * *

О, разреши мне возвратиться
К тебе опять, Узбекистан!
Я только две твои страницы
На этот раз перелистал.

С тобой свидание опасно,
Я путник, я не старожил,
Но ты меня легко и властно
К себе навек приворожил:

То солнцем бьющим в виноградник,
То белизной холодных гор,
То вдруг ручьем, что, будто всадник,
Гремя, летит во весь опор.

Те взглядом ярким, словно искра,
Способным лед воспламенить,
То пальцами, что быстро-быстро
Связали шелковую нить.

То щек ребячьих смуглотою,
Голубоватостью белков,
То величавой добротою
И гордой статью стариков..

О, разреши мне возвратиться
К твоим садам, к твоим полям.
Взглянуть в приветливые лица,
Услышать звонкое «Салам!»..

Владимир Луговской
(Россия)

БЕГОВАТ

Здесь в старину ковали ковачи,
Как будто дьявола в огне гоняли,
Кривые,
тусклые, как смерть, мечи
Витой,
туманной,
заповедной стали.
И это дело знали Бухара
И Самарканд...
И было чем гордиться:
Так сталь булатная была туга, остра
И на лету раздваивала птицу.
В старинные года,
клинком взрезая даль,
Пустынь и гор сиянье отражая,
Узбекских мастеров
струющаяся сталь
Врагов разила,
ветром пролетая.
В изложницы
светящаяся сталь
летит.
Бьет колокол,
стоит недвижимая бригада,
А медленный орел
не шевелясь парит,
Как верный страж
мартенов Беговата.
И Беговат дымит

чуть видно
в легкой мгле
У Могол-тау
серыми цехами.
Далеко
сталь твоя
рванется «о земле,
В горниле тесном
бьющееся пламя!
Гори,
пылай,
мой пламень голубой,
Плавь шихту непокорную,
отпрянув
От пода огненного.
Лейся в бой,
Как выгнутый булат,
булат багряный.
Велик и грозен мир.
И посреди неге
Сталь загорается,
и сплав ее рассчитан:
Ей должно быть народов торжеством,
Страны Советов
доблестной защитой!
Стоит бригада,
и гудя подходит кран,
И девичье лицо
в росинках пота крупных,
И пламя белое.
Гордись, Узбекистан,
Своей правдивой сталью
неподкупной!

ЯХШИГЮЛЬ

Вечер,
полный дроздиного свиста
и птичьей возни.
Тополя сразу вспыхнули
легким, зеленым огнем,
Быстрой дрожью полны —
ведь совсем молодые они,—
Распустившие почки свои
только днем,
нынче днем.
Хитрый дождик пошел,
воробыным запрыгал шажком,
И закрылись поля
лиловатой, сырой кисеей.
Председателя
вызывает райком,
Отзвонив,
председатель приходит домой.
И приносится «виллис»
из дальних полей.
Угощение на стол подают
и лепешки без счета.
Это — лучше стола президента,
стола королей —
Золотой дастархан —
многоцветная скатерть почета.
Секретарь ли райкома
сейчас по ступенькам взойдет,
Или гость из Ташкента
с указом о высшей награде,

Только к темным воротам
сквозь сумрак приходит народ,
И сидят старики
перед глиняной
темной оградой.
И когда два приезжих товарища,
забрызганные
с головы до ног,
Поднимаются, поздравляют,
смолкают,—
Видно, как потемнел восток,
И на западе алая кровь полыхает.
Входит медленно
тихая Яхшигюль,
Только звякают еле
серебряные браслеты,
Если б муж ее,
срезанный очередями пуль,
Встал из финских лесов
и увидел бы это!
На террасе качается
ласковый ламповый свет,
Нетревожно идет Яхшигюль
и не гордо.
Орден Ленина
полон колосьев,
а хлопка на ордене нет,
Но за хлопок
она получила
прославленный орден.
Выше, выше всходи, Яхшигюль!
Вижу — в черных зрачках звеньевой
Тлеет женское горе —
таких не потушишь углей.

Но весенние звезды
стоят над ее головой,
Молодой головой
мастерицы хлопковых полей.
Те счастливые звезды
омыты веселым дождем.
В небе — словно павлиньи хвосты,
за оградой — шорох.
Мальчик — мартовский месяц —
сегодня дождями рожден,
Он бежит,
изогнувшись,
на свежих просторах.
Сколько рукопожатий,
горячих, тугих!
Сколько славного люда
тебя окружает —
Незнакомых людей
и людей дорогих,
Беззаветных воителей
урожая!
Так протягивай всем
птицу маленькую —
ладонь,
Глаз спокойных не опускай,
зорких,
словно у ястребят!..
Что ж ты искоса смотришь
на розовый, дальний огонь?
Это стан полевой
с торжеством ожидает тебя.
Шелестят тополя,
а на небе
великий покой,

И земля чуть дрожит
от работы
и творческих сил.
В тонких сучьях звезда —
так близка,
что коснешься рукой
Это чистая Вега —
я с детства ее любил.
И двоится звезда,
разогревшись в горячих глазах,
И доверчиво смотрят они,
не мигая.
Перед женщиной этой
устанут
усталость и страх,
Потому что таким,
как она,
весь народ помогает.
Выше, выше иди, Яхшигюль!
Впереди, впереди
Неоглядный, сжимающий сердце
чудесный простор.
Орден Ленина
у тебя на груди,
И зовет за рекою
бригадный костер.
Молодая
по жилам
кипит и волнуется кровь,
Раскрывает все тайны свои
голубая земля.
Задохнулась весною душа
и рождается вновь
Шумной тучен,

широким дождем,
напоившим воля.

БАЙТОК

Айбеку

Столетний карагач.
Ночь. Лягушачьи хоры. Плещущий арык.
Неведомой печальной птицы плач
И паровоза отдаленный крик.
А мы на широких помостах сидели,
И пел нам певец, поднимающий саз,
И старые звезды вращались и пели,
За черной листвою скрываясь из глаз.

Байток, Байток.
Зубастый холодок
И огоньки домов среди тугих ветвей,
Летающий персиковый лепесток,
И пробующий горло соловей.
Певец ударяет наотмашь по струнам,
И вопль боевой, надрываясь, звенит,
Уходит к давно уж исчезнувшим лунам
И волчьей запевкой взлетает в зенит.
То мчится в калмыков стрела Алпамыша,
Крылатые кони железом гремят;
То в грозном упорстве порывисто дышит
Поднявшийся лев, богатырь Ленинград.

То рати ферганцев идут к Фархадстрою,
Вздымая плотины и скалы сверля,
И мать перед домом встречает героя,

Целует звезду — награду Кремля.
И плачет о младшем, погибшем сыне,
Восторг величав, и печаль глуха.
Певец поднимает к сияющей сини
Глаза, налитые восторгом стиха.
И слушают молча его аксакалы,
Седые крестьяне,— держа пиалы,—
Копавшие русла, дробившие скалы,
В двадцатом сжимавшие ружей стволы,
Познавшие сущность и смерти и жизни,
Свершившие все, чем горда Фергана,
Отдавшие первенцев сильных отчизне,
В слезах целовавшие их ордена.

Вайток, Байток.
Холодный лепет вод.
Звезда над прудом, юная звезда.
Издалека гудит хлопкозавод.
Деревья смотрят в прошлые года.
И ночь та была голубого отвара,
Над прудом кисейный качался туман.
Рассказывал грузный смотритель базара,
Когда-то мудрейший вожак партизан.
От песен льпили колдовские рассказы?
Из маленьких глаз рассыпались лучи.
Как саженцы, стали могучие вязы,
Обвились предгорья узором арчи!
Великолепье ферганской природы,
Всех птиц и зверей его повесть несла,
Как спят соловьи и гнездятся удоды,
Как бьют куропаток стремглав сокола.

Четыре горят керосиновых лампы,
Тоскливо звенят молоточки сычей,

И сзади, как сцена за этого рампой,
Великое реянье карагачей.
Звезда отрывается от небосвода,
И долго старинные речи слышны
О забытых полках, о бесстрашных комзводах.
О кровавой и трудной заре Ферганы.

Потом вспоминаются ночи Берлина,—
Восходят созвездья гвардейских полков,
И мудро листвою шумят исполины,
Видавшие виды за много веков.
И снова певец поднимает из мрака
Годов и событий потерянный счет,
И гордо по знакам седым зодиака
Пустынная древняя песня течет.

Байток, Байток.
Крутые облака
И семафоров далекие огни.
Протянутая памятника рука,
Рвущаяся в будущие дни.

Михаил Луконин
(Россия)

ХЛОПОК

Да, солнце, это верно,
рядом просто.
Есть трудная арычная вода.
Для роста солнце,
и вода для роста,
и вся земля родная — для труда.

И вот земля в моторном перегуде,
канал журчит па каждом рубеже.
Так сотворенье мира ладят люди,
не боги — те на пенсии уже.

А хлопок хлопотлив и непокорен,
потом он легкий, а сначала крут.
Пока к цветам дотянется из зерен
и будет бел, ты станешь вовсе черен.
А просто так и палки не растут.

Ты посмотри на женскую походку.
А руки как летучи и нежны,
расцветшему, разбуженному хлопку
особенные нежности нужны!

Нет, хлопок — это,
нет, не просто солнце,
нет, не цветок на праздничном столе.
И хлеб и хлопок даром не дается,
а нужно низко кланяться земле.

Над всесоюзным урожаем веским
мы кланяемся землям дорогим,
чтоб счастливо нам жить в стране советской
и никогда не кланяться другим.

БЕССМЕРТИЕ ХАМЗЫ

Постойте, товарищи,
снова
подумаем вместе о нем.
Бессмертная слава готова
сиять негасимым огнем.
И песни,
и сказки мы сложим,
но наше, его торжество
не в том, что мы славу умножим,
а дело продолжим его.
Ведь было то сердце не камень,
любило и билось в груди,
и мерило жизнь не веками,
а знало, что смерть впереди.
Прострелено было, как знамя,
кого-то просило — люби!
И черная тень непризнанья,
как рана, зияла вглуби.
То сердце сжималось в треноге,
когда он,
готовый к борьбе,
по шахимарданской дороге
поехал на валкой арбе.

Был не великаньего роста
и жил-то не так уж давно,

не песня,
не музыка просто,
не просто герой для кино.
Тем славен он будет и вечен
для жизни,
а не для красоты,
понятен нам,
прост,
человечен
и близок характер Хамзы:
отдача в труде и сражение,
отчетливость в каждом шагу,
народу любовь и служенье
и непримиримость к врагу.
Готовность по первому знаку
пожертвовать жизнью,
собой
и, как над землею,
в атаку —
подняться над личной судьбой.
Все то, что в отцах трепетало,
в расцвете сегодняшних дней
советским характером стало
и славой советских людей.
То было такое начало,
которому нету конца.
Оно в Маяковском звучало
и нам закаляло сердца.
Роднит нас великая сила —
и смерть комиссаров Баку,
и жизни Хамзы и Джалиля
в единую слиты строку.

Кубанычбек Маликов
(Киргизстан)

БОГАТЫРИ

Мы — словно дети одного отца,
Одна семья — киргизы и узбеки.
Я славлю солнце дружбы,
Что навеки
Соединило верные сердца!

Плечом к плечу в походе и в труде
Идут державы ленинской солдаты.
А если буря грянет,
Брат за брата
Стеною встанут в горе и в беде.

Нам дороги родного неба синь,
Земли родной бескрайние просторы,
Мы громом строек разбудили горы
И дали жизнь седым пескам пустынь.

Ревет в бетон зажатая вода.
И где орлу над бездной не подняться,
Течет живая кровь электростанций
В аилы, в кишлаки и города.

Один огонь в сердцах у нас горит,
Дерзания и помыслы едины.
Нас не согнуть —
Мы — чудо-исполины!
Нас не сломить —
Ведь мы — богатыри!

Перевод с киргизского М. Ронкина

Мамаду Траоре Диоп
(Сенегал)

ТЕБЕ МОЕ СЛОВО, ТАШКЕНТ

Тебе мое слово, Ташкент,
Тебе моя песнь, Ташкент,
Тебе мое сердце, Ташкент!
В сердце моем — тепло,
В сердце моем — цветы,
На утреннем солнце твоём
Как сад оно расцвело.
Ты прекрасен
в зеленом убранстве своём,
Я полюбил твою улыбку лучистую,
Как Африки серебряные луга.
Твои вечера
с россыпью звезд алмазных,
Журчанье твоих арыков,
нежное,
как колыбельные моего детства.
Ветер,
поющий в твоих тихих садах
Под вечно лазурным небом.
Величавые ночи,
братские ночи твои.
Ты моя мама, ласковая,
добрая мама...
Тебе мое слово, Ташкент,
Тебе моя песнь, Ташкент,
Тебе мое сердце, Ташкент!
Дай мне руку,
товарищ узбек!
В сердце моем тепло —

возьми!
В сердце моем цветы —
возьми!
Дай мне руку,
товарищ узбек,
Поднимем общее знамя!
Громче песню, товарищ!
Пусть звенит над планетой
пролетариев гимн!
Дай мне руку,
товарищ узбек.
Рай на земле построим!
Вместе пойдем, товарищ,
Наше солнце над нами!
Громче песню, товарищ.
Да здравствует наша дружба!

Перевод с французского А. Карлова

Сергей Марко
(Россия)

ОСЕНЬ В ТАШКЕНТЕ

В Ташкенте утром пыльные лучи
В решетчатые окна заструятся —
И ты придешь. Я вздрогну... Научи
В минуты встреч с тобой не задыхаться!

На цыпочках неслышно подкрадись!
Я позабуду вкрадчивое горе.
Подумай, как неповторима жизнь,—
Огромная и громкая, как море!

Пусть на минуту мы — счастливей всех.
Заплакал тополь?
Лоб к стеклу прижму я,—
О этот среднеазиатский снег —
Теплее и лукавей поцелуя!

И улица сегодня нам любя;
Взгляни в окно.— не в меру голосиста.
Гремит синеколесая арба
И грязью обдает кавалериста.

Любить и знать: не за одних — за всех,
Что над Ташкентом: облака — как льдины,
Что юность тает, как осенний снег,
И назревают первые седины!

Павел Матев
(Болгария)

ДРУГУ

Мирмухсин, ты пел о дружбе нашей,—
Нынче я пою в родной стране.
А в Ташкенте вновь чинары машут,
Старыми ветвями машут мне.

Мы идем.
И ветер здесь так чуден!
Бьет фонтан-волшебник, свежесть льет.
Нам слова искать простые трудно,
Разговор наш медленно течет.

И совсем смолкает...
Но, поэты,
Не должны, не можем мы молчать!
Может быть, приятель мой, беседу
Лучше нам стихами продолжать?

И летят часы... Уже прохладно...
Месяц над Чимганом... Соловьи...
Но, светя в сердца нам благодатно,
Не заходит солнце Навои.

Ботеву ташкентский парк-оазис
Внемлет, тишину тая в ветвях.
Милый друг мой, нашей встречи радость
Я в ответных высказал стихах.

Все твои я письма сохраняю,
Каждый мой земляк пусть их прочтет,—

И в садах поэзии большая,
Дружба многолетняя растёт.

Перевод с болгарского А. Наумова

Йордан Милев
(Болгария)

ФЕРГАНА

Позабудешь меня ль...
У машины,
проводжая, бредут тополя.
Звезды поздние очи смежили,
как в кино, наплывают поля.

Ветер бархатом тронул по коже —
н помчался, рассветом дыша...
На него ты немножко похожа,
напоенная ширью душа!

Под ненастным ли небом, под добрым
в чью-то даль забрела ты хоть раз —
п, как ветер, ты стала подобьем
обретенных тобою пространств!

Так, как будто тебе подарили
этой девушки встреченной стан,
этот город в далекой долине,
что негаданно близким мне стал,

это поле безбрежное или
этот гул тракторов дотемна,
это звонкое девичье имя:
Фергана, Фергана, Фергана!

Как хотел я, скажу тебе честно,
с этой далью остаться вдвоем,
раствориться, навеки исчезнуть

в узком, солнечном взгляде твоём!

Стать движеньем нечаянным, словом
в этой жаркой хлопковой зиме,
в новой форме и в облике новом
возродиться на этой земле.

Стать коричнево-желтым гранатом,
ветром,
светом мгновенным, как дым.
чтобы солнце — пылающий атом —
восходило над сердцем твоим...

Не забудь же меня!
Вдоль дороги,
проводжая, бегут тополя,
и кусок моей жизни недолгий
позади исчезает, пыля...

Перевод с болгарского А. Наумова

Минь Ле
(Вьетнам)

ТАШКЕНТСКАЯ ВЕСНА

Последние льдинки
еще не успели растаять.
Под солнечным светом,
очнувшись от зимнего сна,
вчера еще голые, ветки
покрылись цветами...
Это весна.
По Ташкенту шагает весна.
Весь город как сад —
повсюду солнечный свет,
розовый цвет урюка
и персика белый цвет.
Весенние ветры гуляют в черте городской.
И вешние воды Салара
бурлят у плакучих ив.
Над стройками
головы кранов возносятся высоко,
до самого неба,
до облаков кучевых.
До синего неба растут
высотных домов этажи.
Влюбляются юные,
и продолжается жизнь.
Весна по Ташкенту шагает.
Повсюду весна.
В румянце у девушек милых
она полыхает зарей.
И шелк легких платьев
слегка теребит она.

И путает волосы ветер —
ветер весны озорной.
В весеннюю ночь
над городом крупные звезды.
Брожу по Ташкенту всю ночь напролет,
до зари.
Вдыхаю весной и цветеньем наполненный
воздух
и слушаю заводов бессонный, размеренный ритм.
А рядом,
за городом,
влажно дышит земля.
И чувствую я
прорастанье семян
на хлопковых полях.
По городу мира и дружбы шагает весна.
Уже отцветают деревья
над тихо журчащей водой.
Но вести о счастье
по миру разносит карнай,
о свадьбе весенней,
веселой и молодой.
Вдали от Вьетнама
в весеннюю пору цветенья
и радость, и грусть
разделяют ташкентцы со мной.
Отныне я знаю:
весна дорогого Ташкента
навек слилась в моем сердце
с далекой вьетнамской весной.

Перевод с вьетнамского К. Аксенова

Сергей Наровчатов
(Россия)

КАПИТАНСКИЙ ТОСТ

Мы по узбекским городам
Навстречу счастью шли,
И встретил нас Шахимардан
Водой из-под земли.

Любимцы северной зимы,
Мы были рады ей.
— Спасибо,— вымолвили мы,—
За холод твой, ручей!

Спасибо, что напомнил нам
Ты взлет родимых вьюг,
Ты здесь, как мы, как север сам,
Прохладой входишь в юг!

Отдав ручью земной поклон,
Чинар прославив тень,
Мы перешли из яви в сон,
В шахимарданский день.

Где каждый нас с порога звал
Перешагнуть порог.
— Смотри,— товарищ мой сказал,—
Как верит нам Восток!

Как верит нам, как верен нам,
Посланцам той страны
Где люди песням и друзьям
Из века в век верны...

На улице, где жил Хамза,
Куда глава ни кинь,
Кругом глаза, везде глаза
Все кузингдан-акын.

Попробуй взглядом заснежи
Горенье черных глаз,
Раз вверх взвивались паранджи,
Глядели все на нас.

И я ловил приветный свет,
Сиянье черных звезд.
Сквозь много лет, сквозь много бед
Я этот свет пронес.

Джан-Фергана! Глаза твои,
Про них мне бредит грусть,
Я, словно песни Навои,
Их помню наизусть.

Джан-Фергана! Высокий свет,
Виденья наяву,
Где белым бивнем минарет
Вонзился в синеву!

Где молодое через край
В кувшинах бьет вино...
Цветущий край, пьянящий край,
Серебряное дно!

Большой канал! Где труд живой
Входил, как в праздник, в жизнь,
Где я узнал про образ твой,

Высокий коммунизм!

За свет без тьмы, за жизнь без дна,
За память черных звезд
Я поднимаю, Фергана,
Свой капитанский тост!

Январский полдень сер и тускл,
Я третий день в бою.
И, взятый штурмом, пал Пултуси,
И я в Пултуске пью.

Я пью вино чужих дорог
За юг родной страны,
За все, что я забыть не смог
В четвертый день войны!

Маргарета Нейман
(Германия)

ТАНЕЦ УЗБЕКСКИХ ДЕВУШЕК

Шелком в полете плескался танец.
Веткой кленовой на сквозняке,
Стынет цветок в серебре стакана,
Жемчужиной в руке.

Черные косы змеями вьются,
Бубен звенит, увлекает прочь,
Руки рыдают, руки смеются,—
В зареве алом ночь...

В полупоклоне таится улыбка,
Бубен звенит, увлекает прочь,
Осенние листья, метель и скрипка,—
В зареве алом ночь.

Перевод с немецкого П. Старосельской

Георгий Некрасов
(Россия)

ОСЕНЬ В НУКУСЕ

Еще все небо солнцем золотится
И ворота распахнуты рубах,
А осень — молодая мастерица —
Развешивает бронзу на ветвях.

Асфальт проспектов начинает стынуть,
Обжитых мест напоминая быль,
Направо залегли пески пустыни,
Налево мельтешит степная пыль.

Они готовы ринуться на город:
Пришла, мол, долгожданная пора.
Звенят ветров серебряные горны,
Как будто в наступлении «ура».

А город улыбается сияньем
Широких улиц и машин стеклом.
Пусть прошлое — на близком расстоянии,
Но ни в один оно не вступит дом.

Гуляет осень с песней голосистой.
Степная пыль несется высоко,
И не песок, а огненные листья
Летят вдоль улиц шумно и легко.

Они лежат, шушукаясь в арыках,
Красуясь, как бесценное руно,
И утки, исходя тревожным криком,
Пугливо смотрят на сухое дно.

Листву сгребают звонкие лопаты.
И кажется: в обход календаря,
Весны грядущей не дождавшись даты,
В арыках зажурчит Амударья.

Долгорын Нямаа
(Монголия)

ОДНО НАД НАМИ НЕБО

Сойдьясь сюда со всех концов земли,—
и те, кто здесь бывал, и те, кто не был,—
мы на знаменах утреннее небо
на праздничную площадь принесли.
Рассветный город, солнечный Ташкент,
то не толчки подземных потрясений —
от песен дружбы в этот день весенний
трепещет неба синий тент.
Одно над нами небо,
одна у нас душа.

Веселой стайей птиц из кумача
знамена над толпою полетели.
Наполненная дружбой и весельем
душа, как будто солнце, горяча.
Весенний, солнечный Ташкент,
то не толчки подземных потрясений—
от песен дружбы в этот день весенний
трепещет неба синий тент.
Одно над нами небо,
одна у нас душа.

Ташкент, горит весны твоей звезда
и не погаснет за хребтами буден.
И разве мы друзей своих забудем,
тех, с кем впервые встретились тогда!
Счастливый город, праздничный Ташкент,
то не толчки подземных потрясений —
от песен дружбы в этот день весенний

трепещет неба синий тент.
Одно над нами небо,
одна у нас душа.

Перевод с монгольского М. Сергеева

Николай Новиков
(Россия)

ТАХИАТАШ

Как женщина легкомысленная,
Аму выбирает русло.
И замуж выходит с ходу
И с лету, и с кондачка.
Наполнясь холодной силой,
Наваливается грузно,
Кому неизвестно: тяжелая
У этой реки рука!

Движимой древним инстинктом,
Бурной, какое ей дело
До деревень окрестных
И до людских забот!
Она изменяет берегу,
Коль твердости не углядела
За несколько лет замужества.
А может быть, и за год...

Она изменяет, а берег
Страдает от этой измены:
Заброшенные селения,
Сжегший поля июль...
Кто знает, чьи она завтра,
Подкравшись, подмочит стены?!
Вчера сообща спасали
Старинный город Турткуль.

В поиске этом неистовом —
Дерзость, а не дерзание:

Кончатся аральской горечью
Всегда суждено ему.
Тысячелетья глядели
Сухими от скорби глазами,
Как мимо пронесит воду
Бешеная Аму.

А время копило обиду,
Невысказанную, но грозную,
Но время сказал»: хватит
Бессмысленно течь воде!
Все начиналось на кульманах,
А кончалось бульдозерами,
Гусеничными джиннами,
Взмыленными в труде.

В стальной горячей кабине
Орудует бывший дехканин
И тоже думает: «Хватит!
Метаться тебе к чему?!»
И вот, упершись в плотину
И в реве сорвав дыханье,
Робкая и послушная
Простерлась у ног Аму.

Свадьбу отпразднуем — хватит!
Довольно, отбаловала!
Теперь на рисе и хлопке
Рабочий накапливай стаж!
Воля времени выражена
Бетоном, камнем, металлом —
Крутым бастионом верности
Высится Тахиаташ!

Нонг Куок Тян
(Вьетнам)

РАЗГОВОР СО СТРОИТЕЛЯМИ САМАРКАНДА

К вам обращаюсь, потомки творцов,
к вам, реставраторы древних дворцов,
к вам, новостроек поднявшим леса,
к вам, созидającym чудеса,—
дайте, товарищи, крепко пожать
руки в мозолях.
Не устающие знамя держать —
руки дозорных.
Руки, которые гневно смели царские троны.
Руки хозяев древней земли и обновленной...
Нашей планеты стремительный бег
вам завещал познавать Улугбек.
Зодчих мечтания, радость труда
вы воплощаете в города.
Вам на высоких ваших лесах многое видно.
Взору пытливому, ясным глазам дали открыты.
Землям, которым две тысячи лет,
стенам и камням,
вам, самаркандцы, братский привет
от сына Вьетнама.
Есть в красоте голубых куполов
неба бездонность, округлость плодов,
платьев нарядных искрящийся шелк,
щедрость народа с открытой душой.
Я вам желаю на высоте крепко держаться,
пусть в каждодневном славном труде
крепнет держава.
Вашим дворцам
стоять тысячи лет

для человека.
Людям-творцам,
узбекской земле —
слава навеки!

Перевод с вьетнамского К. Аксенова

Заки Нури
(Татарстан)

ТАШКЕНТ — КАЗАНЬ

Зима в Казани —
весна в Ташкенте!
«Ту» приземлился,
и на рассвете
Мы угодили,
как бы в легенде,
Из белоснежья
да в белоцветье!
Журчат арыки,
а над садами
Пронесут пчелы
миллион жужжаний!
А наша Волга
покрыта льдами,
Морозный ветер
свистит в Казани...
Но потеплеет,
и треснут льдины,
Снега растают,
а расстояние
Подхватит песни —
они едины
В Узбекистане
и Татарстане!
Пусть волжский ветер
с теплом Ташкента
Соединится,
как добрый вестник!
Домой вернусь я

с цветком Ташкента
И с вдохновеньем,
и новой песней...

Перевод с татарского С. Макарова

Италмаз Нуриев
(Туркменистан)

ВЕРЬТЕ ПОЭТАМ

Сентябрь,
25-е...
Встречи-
Араб, африканец,
индус.
Праздник поэзии...
Вечер...
Ташкентский Дворец искусств.

Глаза и улыбки сверкают.
И на сорока языках
Поэты о мире читают,
О птицах, о травах, цветах.

О камере, о приговоре...
И пламя во взорах горит.
И гордая строчка о воле
Сильней приговора звучит!

Читают, о мире читают,
О птицах, цветах говорят,
О битвах, что не затихают,
О жизни, о жизни опять.

И слово их дышит свободой,
И силой, и свежестью чувств,—
Читают посланцы народов —
Араб, африканец, индус.

«Свободу поэт завещает —
И первым исполнит завет!» —
Седой головою кивает
Задумчивый старый поэт.

А люди их любят за правду, —
Как правда, любовь глубока,
Вот юноша с девушкой рядом —
Прекрасна она, как строка.

И он говорит: «На планете
Когда-нибудь станет светлей
От солнечных строчек поэтов —
Они возвышают людей!»

Слова эти зал одобряет —
Их правда светла и чиста,
И ветка согласно кивает,
И ярче сверкает звезда.

Глубокою ночью осенней
Закончился праздник большой
Поэзии.
Вместе со всеми,
Счастливый, пошел я домой.

Я чувствовал светлую радость
И ночью глубокой не спал.
Не спит и поет — мне казалось —
Огромный взволнованный зал:

«На этой огромной планете,
Когда-нибудь станет светлей
От солнечных строчек поэтов —

Они возвышают людей!»

Перевод с туркменского Е. Семченко

Эди Огнецвет
(Белоруссия)

ПЕРЕД ВСТРЕЧЕЙ

Речка синей молнией сверкнула,
Замахала лапами сосна.
И грачами первыми вспорхнула,
Понеслась за окнами весна.

Косогоры...
Хаты на отроге.
Шапка аистиного гнезда.
Я люблю далекие дороги,
Станции,
свиданья,
поезда.

Пенза,
Сызрань...
Сердце, что случилось?
Почему забилося ты сильнее?
Успокойся, окажи мне милость...
Но не скроешь боли от людей.

Я молчу.
Молчит моя соседка.
Только память наша не молчит.
И в стакане ивовая ветка
Чуть дрожит...
А поезд мчит и мчит.

Спят спокойно маленькие дети,
Снятся им коротенькие сны...

Пусть же никогда их на рассвете
Не разбудят голоса войны!

...Пыльные военные дороги.
В пульманах — людская теснота.
Помните, донесся в дни тревоги
Голос друга:
«Ты — не сирота!»

Малышам — чернявым,
светло-русым —
Руки протянул Узбекистан.
Он сроднился в сердце с Беларусью,
Родиной отважных партизан.

По дороге молодости первой —
Беспокойной юности моей,
По дороге неизменно верной
Еду я в страну своих друзей.

Еду степью, словно открываю
Новый необъятный океан.
И от ожидания замираю...
Здравствуй,
здравствуй,
мой Узбекистан!

Перевод с белорусского В. Тараса

ДОБРЫЙ ДЕНЬ, УЗБЕКИСТАН!

Поэтессе Зульфии

Ты прислала мне платье атласа искристого.
И, сдается, касаюсь, как некогда, я
Вод Салара в степи, серебристого, быстрого,
И земли, где живешь ты, сестра Зульфия!

Тополя и тюльпаны твои с укоризною
По-узбекски мне шепчут: «Забыла ты нас?»
Нет! Твой край назвала я второю отчизною
В давний-давний — и горький и памятный — час.

В лазареты ходили проулками знойными,
На вокзалах читали стихи мы бойцам.
Ждали сводок с далеких фронтов беспокойно мы
И делили по-сестрински хлеб пополам.

С грустью, бережно платье надену я новое.
Это — ласка друзей тех тяжелых годов,
Это — первые маки, фиалки лиловые
И зеленое полымя майских садов!

Извини, что так мало тебе подарила я,
Только скромный родной белорусский убор:
Там синеют подснежники, скромные, милые,
Там раскинул полянки весенние бор.

Вижу, губы твои им тепло улыбаются.
На здоровье, на счастье носи, Зульфия!
Пусть надежды и замыслы наши сбываются.
Пусть земля расцветает твоя и моя!

Рождена наша дружба бедой и заботами,
И мы проклинали смерть в пору страшную ту.
Так давай же всем сердцем, всей нашей работою
Жизнь людей охранять и ее красоту!

Перевод с белорусского Б. Иринина

УЗБЕКСКОЕ НЕБО

Как мне жаль, золотое, с тобой,
Небо доброй земли, расставаться!
Только птицы летят чередой
И зовут...
И пора собираться.

Я поеду,
И каждой сосне
О волшебном поведаю крае.
И, подснежник сорвав по весне,
О фиалке твоей заскучаю.

Я припомню у тонких берез
Тополиную стройность тугую
И, наверное, в лютый мороз
О лазури твоей погорюю.

Буду видеть тюльпаны во сне...
О, недаром сказали мне люди:
Кто ходил по узбекской стране,
Тот ее никогда не забудет!

Ты меня в злую жизни пору
Повстречало и солнцем, и хлебом...
Буду помнить, пока не умру,
Золотое узбекское небо.

Перевод с белорусского С. Сомовой

Лев Ошанин
(Россия)

ЗВЕЗДА ВОСТОКА*

Есть на Востоке добрый город —
В кольце садов, в кольце огней.
Он по-особенному дорог
Бескрайней Родине моей.
Он весело и чернооко
Глядит со смуглого чела.
...Сияй, Ташкент,— звезда Востока,
Столица дружбы и тепла.

Когда война опустошала
И разрушала города,
Его земля теплом дышала,
Звала, звала друзей сюда.
Чье сердце было одиноко,
К тому надежда здесь пришла.
...Сияй, Ташкент,— звезда Востока,
Столица дружбы и тепла.

Когда угрюмая стихия
Под ним взломала полземли,
Была с ним рядом вся Россия
И все республики мои.
Глядит он тысячами оков.
Вершит высокие дела.
...Сияй, Ташкент,— звезда Востока,
Столица дружбы и тепла.

* Написано в соавторстве с Рамзом Бабаджаном.

УЗБЕКИСТАНУ

Узбекистан!
На празднике твоём
Мы нашу дружбу славим и поём.

Твой гордый путь победами богат.
И хлопок бел, и сладок виноград.

И братством восстановленный Ташкент
Достоин удивленья и легенд.

И разум жизни раздвигает круг
Святым искусством благородных рук.

И в этот день — прощанья светлый час
Грядущей встречей вдохновляет нас.

Мы нашу жизнь под стать себе кроим,
И за привет тебя благодарим.

За верность братству и за твой успех,
За радость жизни ради счастья всех,

За все, что не вмещается в охват,
Тебе Россия говорит: рахмат!

УЗБЕКИСТАН СОБИРАЕТ ХЛОПОК

Узбекистан собирает хлопок,
Смолкли старшие классы школ.
Звездных коробочек белый шепот

По загорелым полям пошел.

Волнуются, что не хватит таланта,
Гордятся, что спины их солоны,
Студенты древнего Самарканда,
Прядильщицы юношеской Ферганы.

На поле некогда оглянуться —
Приметить тайну желанных глаз.
Наде тысячу раз нагнуться,
Выпрямиться тысячу раз.

«Хлопок, один только вечный хлопок...»
Ворчит третьекурсник-востоковед
(Так можно и счастье свое прохлопать,
поскольку он здесь, а любимой нет).

Вдруг меньше всех понесет к весам?
...А как идет этот хлопок белый
К черным девичьим волосам...

Ветер подул, и, клубясь от бега,
Вверху облака, как хлопок, белы.
А у пас белизна — это хлопья снега,
Берез заштрихованные стволы.

Узбекистан собирает хлопок,
И кажется, в звонкий рабочий зной,
Можно Азию и Европу
Обернуть его белизной.

Белизну закрутит машинный ветер,
Она запоем на сотни ладов,
К людям воротится разноцветьем

Глаз и халатов, трав и плодов.

И вспоминать я не перестану
На хлопковом поле людскую волну,
Спасибо солнечному Узбекистану
За всесоюзную белизну.

Дмитро Павлычко
(Украина)

* * *

Прошу я — ты сыном меня называй,
солдатская мать, дорогая узбечка.
Твой сын защищал мое счастье, мой край,
мою Коломыю, мое Берестечко.

Да только вернуться к тебе он не смог,
не в силах поднять помертвевшие веки...
И стал он дубком у карпатских дорог,
всегда молодой, но безмолвный навеки.

Но сколько вокруг тебя, старая мать,
сынов осчастливленных, ласковых дочек!..
И, может быть, ветер сумеет домчать
в Ташкент из Ворохты дубовый листочек.

* * *

От милой родины вдали
лежит Фуркат в могиле тесной,
и с ним, казалось, погребли
его прославленные песни.

Возликовали господа,
что, мол, в беде народ согнется,
и вновь на землю никогда
язык узбекский не вернется.

Но слову правды смерти нет —

и песни те смогли пробиться
сквозь вековую толщу лет,
через заслоны и границы.

Поэт свободу воспевал,
любовью к людям песни жили,
и, как чинару,— что ей шквал!
узбеков беды не сломили.

Под ясным солнцем Ильича
и в наши дальние Карпаты
пришли, торжественно звуча,
стихи бессмертного Фурката.

Переводы украинского М. Соболя

Притам Синг Сафир
(Индия)

МОЛОДОМУ ТАШКЕНТСКОМУ ДРУГУ

Мой юный друг, застенчивый и милый,
ко мне с улыбкой чаще приходи.
Мне чудится, что белый голубь мира
расправил крылья у меня в груди.

Ташкент цветами, флагами, огнями
встречает нашу дружную семью.
Мне чудится, что вечность перед нами
склонить готова голову свою.

И мрак ночной уносится, как пепел,
п над землей плывет рассветный час,
и время гневно разрывает цепи,
что сотни лет отягощали нас.

Пусть голуби срывают с горизонта
кровавого безумия покров!
Пусть входит счастье смело, щедро, звонко,
осыпав мир потоками даров.

Клянемся же стоять на страже мира,
сердцами помнить клятву наизусть.
Мы скоро расстаемся, друг мой милый,
и я уже испытываю грусть.

Еще грозят народам гнет и голод,
еще преград немало впереди,
но расправляет крылья белый голубь,
что бьется в человеческой груди!

Перевод М. Курганцева

Алексей Пьянов
(Россия)

* * *

В Ташкенте ночи музыкальны.
Презрев законы тишины,
Поет цикад квартет вокальный
В сопровожденьи беданы.

Летят полночной птицы крики,
Шумит каштан, журчат арыки,
В Анхоре плещется волна, _
На ней луны играют блики,
А над Ташкентом — тишина...

АКТАШ

Теперь ты многое отдашь,
Лишь стоит ненароком вспомнить,
Чтобы опять попасть в Акташ
И поселиться в том же доме.

Где под окошком алыча,
Свящаяся соком алым,
Где, нас пугая по ночам,
Тоскливо плакали шакалы.

Где грохотал студеный Сай —
Лихая горная речушка.
И целый день зеленый чай
Дымился в пестрых пиалушках.

По обе стороны реки
Шумят тенистые дубравы,
И горы, словно старики,
Так недоступно величавы.

Здесь забываешь про дела,
Здесь жизнь естественней и проще,
Тебе поют перепела,
Тебе прохладу дарят рощи.

Тебе — вся эта красота.
Ее забудешь ты не скоро...
Здесь отступает суета.
Здесь только ты
И только горы.

Всеволод Рождественский
(Россия)

ХЛОПОК

Лезет дольками хлопок
в своей белизне небывалой
К беспощадному свету,
ломая скорлупок края,
Знойный день наливает
густой синевою каналы,
Что от щедрости сердца
в пески принесла Сырдарья.

Пряжу счастья земного
из нитей завистливо прочных —
Порождение влаги
и дружной сноровки труда —
Снова дарит нам солнце
горячих республик восточных,
Синь азийских предгорий
и свежесть тянь-шаньского льда.

Словно звезды,
развешаны сливы и персики сада,
В переплеске арыков
разносят свой гром соловьи,
И прорублены горы
могучей киркою Фархада —
Все, как в древних легендах,
как в сбывшихся снах Навои!

Вилайэт Рустамзаде
(Азербайджан)

* * *

*Начальнику управления «Каршистрой»
Х. Шагазатову посвящается*

Живые цветы повсюду —
Как будто ковры свои
Здесь стелют весной и люди,
И воды Амударьи.

Бураны степи Голодной
Теперь не страшны в краю,
Где счастье считает домом
Ожившую Кашкадарью.

Здесь розы вокруг и маки
Взошли не на миг — навек.
Твоим, Навои, прозреньем,
Мечтою твоей, Улугбек!

Гостям здесь повсюду рады.
Я щедрость сердец пою
На этой земле узбекской —
Хлопком богатым краю!

Перевод с азербайджанского В. Савельева

Григорий Санников
(Россия)

ХОРЕЗМСКИЙ ОАЗИС

Хорезмский оазис. Канал Шавкат.
Хорезмский оазис хлопком богат.

Слава Хорезма с времен Хивы
Шла кораблями по водам Невы.

По Гангу, Евфрату, по синим морям
К черным, и белым, и желтым царям.

Ак-падишах и шахиншах,
Сарбазы, барабаны, кровь в камышах.

К хану Хорезма в доходный союз
Вступали с оружием фарс и урус.

Рослый, великий туркменский народ —
Чужой караул у хорезмских ворот.

Русский купец и хан-феодал,
Под гнетом двойным Хорезм пропадад.

Дамбы, каналы, вся жизнь — хашар,
Кровью народ поля орошал.

Хлопок отличный в Хорезме рос,
Но трудно в Хорезме народу жилось.

Прошное, сгинь, отойди, умри.
Вижу Хорезм я в разливе зари.

Дали песчаные сыты водой,
Крепнет в Хорезме советский строй.

Свой караул у хорезмских ворот,
Хороший, прямой в Хорезме народ.

Сергей Северцев
(Россия)

ФОНТАН ВО ДВОРЕ

Мы на шипане в сумерки сидим
И говорим о переменах бурных,
О свежих новостях литературных,
О том, как отдых нам необходим.

А рядом — розы, маленький фонтан,
И струйки бьют в цементный шестигранник,
И вдруг покажется: усталый странник,
Проник ты чудом в райский гулистан.

Бормочет радио из теплой тьмы,
Потом чудесный голос Халимы
К нам долетает, чистый и высокий...

И лишь фонтан, как сотни лет назад,
Журчит, звенит па свой старинный лад:
Ты на Востоке, друг, ты на Востоке!..

Ходжабек Сеитов
(Каракалпакстан)

МОЙ УЗБЕКИСТАН

Узбекистан! Друг дорогой,
мой солнечный сосед!
У нас одна судьба с тобой
и путь один — расцвет!

У нас не даром говорят
в народе, что навек
каракалпаку кровный брат
и лучший друг — узбек.

У нас один сквозь дни маршрут.
Так к морю одному
безостановочно бегут
Сыр и моя Аму.

И сын двух матерей, Арал,
в моем краю степном
к воде двух вечных рек припал
сухим от жажды ртом.

Я рос на берегу Аму
и жизни вкус познал.
И дорог сердцу моему
сверкающий Арал.

И Алмалыка щедрый сад
не меньше дорог мне.
Призывно яблоки горят
в вечерней тишине.

Вкус яблок тех и аромат
навек запомнил я..
Как ты, Узбекистан, богат!
Щедра твоя земля!

Несметные запасы руд,
лугов морской разлив.
По всей земле сады цветут,
просторы тучных нив.

Бредут отары и стада
по берегам двух рек.
Работает как никогда
упорно человек.

И знают все в стране моей
прекрасных мастеров
гигантских хлопковых полей,
грохочущих цехов.

И сколько сложено легенд
про гордый подвиг твой,
красавец, сказочный Ташкент,
Нукуса брат родной.

Перевод с каракалпакского А. Каныкина

Константин Симонов
(Россия)

РАЙКОМ В СТЕПИ

Отрывок из поэмы

С утра идут к секретарю райкома.
С утра открыты двери в кабинет.
Так повелось, что ни часов приема,
Ни тишины, ни секретарши нет.

Уехал первый — значит, до заката.
Иди к второму или потерпи.
Когда на стройке с планом туговато,
У первого — приемная в степи.

О том, что плохо или шито-крыто,
С ним говорят сердито и открыто.
И, не боясь, что сам бывает крут,
Бесстрашной правдой за душу берут!

Он критику, как все, не так уж любит,
Порой переживает и скрипит,
Но если примет, — значит, как отрубит!
И, чтоб поправить, по ночам не спит.

Он трудных истин не боится в деле,
Как от попавшей за ворот капли
Не поднимает зябко воротник,
Не ежится, не пятится от них.

Все встреченные за день незадachi
Возьмет он в сердце и на карандаш;

А демагогу мимоходом сдачи
Даст прямо в лоб!
Чтоб знал характер наш.

И если надо вдруг принять решение,
Которое не сахар и не мед,
Без громких слов,
как командир в сражении,
Он на себя ответственность возьмет.

В степи он сам за все и всех в ответе.
Кивать на дядю? Нет, не тот закал!
Он соберет потом их в кабинете,
Тех, кто прогляпил, проглядел, проспал...

Под вечер, сделав двести километров,
Притом верст десять исходив пешком.
Насквозь продутый синим зимним ветром,
Вернется он с передовой в райком.

Там «газики» под окнами, как кони,
Пасутся, от степных дорог устав,
А в кабинете — плотно, как в вагоне,
Уже сидит всей стройки комсостав.

Сегодня, верно, быть кому-то битым,
Коль разговор в райкоме заведут
О том, что чаще называют бытом,
Но жизнью тоже иногда зовут.

О магазинах, о водопроводе,
О бане, рынке, парке для детей.
И, как всегда, в конце концов о вводе
Жилых, как воздух нужных, площадей.

А если кто решил, что вся забота
О людях — в том, чтоб протрубить громчей.
То лучше за семь верст от партработы
Держать в окресте этих трубачей!

Здесь судят жизнь по принципу простому:
Сказал — так сделай! Прав — за правду стой!
И люди верят своему райкому
С его неговорливой прямою.

За щитовую стенкой ночь и ветер.
Последний «газик» подмигнул кормой.
У первого сидят второй и третий,
Заговорились, не идут домой.

Ну, вот и день закончился обычный,
Хоть и тугой — не туже всех других.
А к легким дням в райкоме непривычны,
С начала стройки не запомнят их.

Но на душе такое настроенье,
Как па войне, когда в пыли, в дыму,
А все же удастся наступленье
Тебе и батальону твоему!

Об этом за полночным разговором
Вдруг вспомнил первый — словно песню спел!
Он был политруком. Второй — сапером,
А третий — молод. Третий — не успел.

И снова спор о том, что нет, не рано,
А в самый раз, через одно бюро,
Всех отстающих по жилому плану

Опять послушать! Как, добро? Добро!

И долго еще светится окошко:
У въезда в городок, как часовой,
По-зимнему озябнувший немножко,
Стоит райкома домик щитовой.

Уж есть и двухэтажные поодаль.
Райкому переехать бы давно!
Но он опять свой дом под школу отдал,
На прежнем месте светится окно.

На прежнем месте, на хорошем месте,
В наш городок на неказистом въезде,
На снежной тропке, где следы детей,
На перекрестке всех прямых путей.

Назвать бы адрес этого райкома...
Но есть ведь и другие адреса!
Другие люди, что другим знакомы,
Другие будни, бури, чудеса.

Влодзимеж Слободник
(Польша)

СКВОЗЬ ПЕСНЮ И СКВОЗЬ НОЧЬ

А ночь в Узбекистане — как черный виноград:
И сладость в ней земная,
и старой песни зрелость,
Той, что должна томиться, покуда не пропелась,
Дрожащим стать кристаллом, перестрадав стократ.

Зной был невыносимым весь день, во над землей
Ночь развернула черный прохладный парус свой.

И грудь вздохнула глубже, когда звезда зажглась,
Когда ночное небо охватываешь оком,
Как будто существует таинственная связь
Между мерцаньем звездным и каждым нашим вздохом.

А под восточным небом, в которое глядишь,
Поет узбечка, песней подчеркивая тишь.
Зной минул.
Звук прохладный плывет, уносит прочь,—
Я возвращаюсь в Польшу сквозь песню
и сквозь ночь.

Перевод с польского Н. Астафьевой

Ярослав Смеляков
(Россия)

КЕТМЕНЬ

Я отрицать того не стану,
что у калитки глупо стал,
когда сады Узбекистана
впервые в жизни увидал,

Глядел я с детским изумленьем,
не находя сначала слов,
на то роскошное скопленье
растений, ягод и плодов.

А вы, прекрасные базары,
где под людской нестройный гул
со всех сторон почти задаром
урюк и дыни продают!

Толкался я в торговой давке,
шалел от красок золотых
вблизи киосков и прилавков
и ос над сладостями их.

Но под конец — хочу признаться,
к чему таиться и скрывать? —
устал я шумно восхищаться
и потихоньку стал вздыхать.

Моя душа не утихала,
я и грустил и ликовал,
как Золушка, что вдруг попала
из бедной кухоньки на бал.

Мне было больно и обидно
среди изобилия всего
за свой район, та корневидный,
и земли скудные его.

За тот подзол и супесчаной,
за край подлесков и болот,
что у своих отцов ц нянек
так много сил себе берет.

И где не только в день вчерашний,
а и сейчас, чтоб лучше жить,
за каждым садиком и пашней
немало надо походить.

Я думал, губы сжав с усилием,
от мест родительских вдали,
что здесь-то лезет изобилье
само собою из земли.

Сияло солнце величаво,
насытив светом новый день,
когда у начатой канавы
я натолкнулся на кетмень.

Железом сточенным сияя,
он тут валялся в стороне,
как землекоп, что, отдыхая,
лежал устало на спине.

Я взял кетмень почтенный в руки
и кверху поднял для того,
чтоб ради собственной науки

в труде испробовать его.

Случалось ведь и мне когда-то
держать в руках — была пора —
и черенок большой лопаты,
и топорище топора.

Но этот — я не пожалею
сознаться в том, товарищ мой,—
не легче был, а тяжелее,
сноровки требовал иной,

Я сделал несколько движений,
вложивши в них немало сил,
и, как работник, с уваженьем
его обратно положил.

Так я узнал через усталость,
кромсая глину и пыля,
что здешним людям доставалась
не даром все-таки земля.

Она взяла немало силы,
немало заняла труда.
И это сразу усмирило
мои сомненья навсегда.

Покинув вскоре край богатый,
я вспоминаю каждый день
тебя, железный брат лопаты,
тебя, трудящийся кетмень!

ВЕТКА ХЛОПКА

Скажу открыто, а не в скобках,
что я от солнца на мороз
не что-нибудь, а ветку хлопка
из путешествия привез.

Она пришлась мне очень кстати,
я в самом деле счастлив был,
когда узбекский председатель
ее мне в поле подарил.

Все по-иному осветилось,
стал как-то праздничнее дом
лишь оттого, что поместилась
та ветка солнца над столом.

Не из кокетства, не из позы
я заявляю, не тая:
она мне лучше влажной розы,
нужнее пеня с соловья.

Не то, чтоб в этот век железный,
топча прелестные цветы,
не принимал я бесполезней,
щемящей душу красоты.

Но мне дороже ветка хлопка
не только пользою простой,
а и своею неторопкой,
своей рабочей красотой.

Пусть она зимой и летом,
попав из Азии сюда,
все наполняет мягким светом,

дыханьем мира и труда.

ХАМЗА

Однажды ночью, поздним летом,
вдоль мест, истаявших вдали,
нас, делегацию поэтов,
в колхоз узбекский привезли.

Из недалекого оврага,
где возникал ночной туман,
тянуло свежестью и влагой
твоей земли, Шахимардан.

Под неподвижною чинарой,
видавшей битвы и пиры,
своей медлительностью старой
манили к отдыху ковры.

В дощатом близком помещенье,
пока мы маялись без дел,
в окошке сталкивались тени,
огонь томился и блестел.

Там для беседы нашей братской,
еще реальностью не став,
варился ужин азиатский,
из мяса, риса и приправ.

Интеллигенции столичной
в помятых пыльных пиджаках
здесь все казалось непривычным,
как православному аллах.

Но вот уже само собою,
весьма украшенный вином,
стол установлен под листвою,
и скатерть белая на нем.

Хоть сам колхозный председатель
учтиво потчует гостей,
мы понимаем, что некстати
явились с лирикой своей.

Ведь на кустах вдоль каждой тропки,
на проводах над головой —
висят повсюду прядки хлопка,
как пряжа осени самой

То нарастая, то слабея,
итожа весь рабочий год,
идет уборка, — только ею
сейчас республика живет.

Пам всем по опыту знакомо,
зачем, молчащий и прямой,
сюда работнику обкома
привозит сводки верховой.

И очень скоро делегаты,
чтоб им обузою не стать,
как сговорившись, деликатно
из-за стола уходят спать.

Солидным постлано в постройке,
снаружи — шумным и худым.
Мне хорошо на узкой койке

под небом темным и большим.

Молчат окрестности и дали,
умолкло время в тишине...
Лишь дуновение печали
идет откуда-то ко мне.

Оно сквозит стезею длинной
в неслышном шорохе ветвей
с той голой каменной вершины,
где установлен мавзолей.

Из той обители высокой,
где спит едва не сорок лет
глашатай Красного Востока
Советской Азии поэт.

Он воплощал начало эры,
ее энергию и суть.
Его убили изуверы,
пытаясь время повернуть.

Решившись — ночью — на расплату,
они к нему наперебой
спешили, путаясь в халатах,
визжащей маленькой толпой.

И от поруганного тела
бесповоротнo, не спеша,
к знаменам красным отлетела
его поэзии душа.

А утром издали светлеют
уступы снежные вершин.

Невдалеке от мавзолея
мы вылезаем из машин.

Там нет ни облачка, ни тени,
ни украшений — ничего,
Лишь двести с чем-нибудь ступеней
к гробнице замкнутой его.

И мы туда, спеша помалу,
как будто заняты трудом,
венки, уже слегка увялый,
сменяясь, по двое несем.

На этой нашей поздней встрече
под общим солнцем всей страны
не к месту суетные речи
и слезы тоже не нужны.

Мы, перемолвившись невнятно
тут, у бессмертья на краю,
опять спускаемся обратно
на землю грешную свою.

На те долготы и широты,
где нас еще покамест ждут
свои печали и заботы
и свой незавершенный труд.

Сергей Смирнов
(Россия)

СРЕДИ САМАРКАНДА

С. П. Бородину

Эти мавзолеи да мечети
Украшают город искони.
От смертельной тяжести столетий
Постепенно рушатся они.

Но умельцы, мокрые от пота,
Там стучат, как в собственных домах.
Реставрационные работы
Носят государственный размах.

И стоят воссозданные зданья,
И зовут под свой цветастый кров,
И звучат, как светлые преданья
О талантах древних мастеров.

Светлана Сомова
(Россия)

ТАШКЕНТУ

О мой город пунцовых маков
И задумчивых тополей,
Ты радушен всегда и ласков
В золотой синеве своей.
Как я скупю тебя любила,
Как я плохо тебя берегла,
Как я мало в себе скопила
Доброты твоей и тепла.

Я всегда легко покидала
Твой осыпанный солнцем порог.
Озабоченный гул вокзала,
И тревожная даль дорог,
И ночевки степных усталость
Над углями чужих костров
Мне дороже всегда казались,
Чем родной камышовый кров.

Только ветка джиды у дороги,
Только синь небосклона и зной,
Только пыль опалит мне ноги
И на серых крылах за мной.

По горам и озерам, в пламень
Каракумов, в сугробы зим...
Каждый угол и каждый камень
Были домом моим родным.

Было много дорог на свете,

А потом пролегла одна,
Испещренная шагом смерти,
Та, которой прошла война.

И друзья мои пред сраженьем
В тьме окопа, в чужом краю
Просветлевшим внезапно зреньем
Вдруг увидели жизнь свою.

Заслонясь от огня рукою,
Между жизнью и вечным сном
Каждый вспомнил свое дорогое —
Тихий город, родимый дом.

Не пришлось мне... А коль придется
Тоже Родине жизнь отдать,
Я припомню ташкентское солнце
И ему улыбнусь опять.

АЗИАТСКОЕ ЛЕТО

Медовое таянье знойного лета,
Под рыжими глинами — яркая синь,
Резной тамариск лилового цвета,
Ползущий по белому краю пустынь.

И запах воды, отражающей солнце,
И шум тополей над бегущей водой,
Когда на ветру их листва повернется
То темной, то светлой своей стороной.

Девчушка с зелеными сливами в горсти,
Кизячный дымок, улетающий вдаль.

И домик узбекский, в котором для гостя
Любого последней лепешки не жаль!

Анатолий Софронов
(Россия)

ЛЕЧУ В ТАШКЕНТ

Лечу в Ташкент к друзьям,
товарищам и братьям
Чтоб вновь познать узбекское тепло;
Попасть, как много раз уже, в объятия,
Увидеть все, что пышно расцвело,
Пришло к нам в дом,
в сердца и души прочно,
Как жар, что не остынет никогда,
Что закрепилося навсегда, бессрочно
И осветило солнцем города.
Увидеть села.
на полях комбайны,
Услышать плеск быстротекущих рек;
И вновь познать,
что нет теперь окраины,
А центр повсюду там,
где человек!..
О, как люблю Ташкент многоголосый
Весной, в цветенье,
осенью златой,
Когда под утро выпадают росы
Как урожай, как медом налитой!
Здесь щедро все —
и люди, и просторы.
Гостеприимство — это здесь закон,
Мне, русскому, здесь каждый камень дорог,
Историю напоминает он.
Историю —
от первых букв на камне

До древнего, как небо, кетменя,
Историю побед,—
и давних, и недавних.
Все трогает, волнует все меня...
Сюда, в Ташкент,
из жарких стран далеких
Спешат, чтобы увидеть и узнать,
Отличной школы получить уроки,
Чтоб жизнь свою по-новому начать.
Как наша жизнь содружеством богата,
И каждому какой могучий корень дан!
Салям тебе, Ташкент!
Привет тебе от брата!
Привет тебе,
поклон тебе,
Узбекистан!

* * *

Сколько вместе дорогами пройдено,
Где хлестал нас огонь и свинец:
Все, что пройдено, — полностью отдано
Братству наших свободных сердец.

Как собрать, подсчитать, подытожить все,
Что сложилось на нашем пути?
Вместе сделано — вместе прожито,
Вместе в дальние дали идти.
Вместе строить дворцы небывалые
И дороги торить для легенд,
Как цветы над знаменами алыми,
Город дружбы и братства — Ташкент!

ДОМ ГАФУРА

Не забыть никогда мне,
пока я живу,
Дом Гафура Гуляма
просторный;
И хозяина дома,
и святую молву,
Что ходила за ним —
за поэтом —
покорно.
Стол широкий,
семью за столом
И гостей,
в этом доме обычных.
— Что ж, расскажем?
— Расскажем.
— Споем?
— Так споем.
Это было всегда нам с Гафуром
привычно.
Не был он многословным, Гафур,
никогда:
Сам любил нас послушать
под кровлей домашней...
И казалось, беда
не нагрянет сюда;
Все останется так,
как при встрече вчерашней.
Все останется так...
Пиалы, пиалы...
И стихи,
И стихи

за широким застольем...
И как часто бывают
застолья малы,
Если спаяны мы дружбой нашей высокой
и кровью!
Все мне кажется,
рядом — как было — стоим,
Ранней осенью утром
стоим в Намангане;
А вокруг пионеры —
это молодость с ним,
Обнимает его,
закрывая от боли руками,
Чтобы сердце согреть,
отдавали ему
Пламя жарких костров пионерских;
Чтобы сердце согреть,
не отдать никому
Жизни вечной
с надеждой недетской.
...Не забыть никогда мне,
пока я живу,
Дом Гафура Гуляма просторный...
В этот час я опять
к себе память зову,
И она
как ручей опускается горный.
Дом Гафура теперь —
это много домов,
Это много земель,
это много народов,—
Возвращают ему
шелест вешних садов,
Все, что он им когда-то

по щедрости отдал.
Дом Гафура теперь
в нашей шумной Москве,
И в придонских степях,
и в Полтаве,
Дом Гафура теперь
среди сосен в Литве,
И в Сибири далекой
друзьями поставлен.
Это тысячи тысяч поющих страниц,—
Весь народ наш —
их страж и издатель...
Дом Гафура
уже не имеет границ,
Потому что он всюду живет
среди братьев.
За широким столом —
мы семьею одной;
Каждый меткою дружбы помечен...
Дом Гафура как сад,
что любил он весной,—
Дом Гафура теперь
называется
Вечность.

Лиляна Стефанова
(Болгария)

* * *

Старик-ученый с тоненькою тростью,
Свою седую голову склоня,
Совсем как ученицу, а не гостью
Ведет в книгохранилище меня.

Здесь у себя он как в обжитом доме,
Все объяснив на языке простом,
Передает мне бережно в ладони
Одетый в кожу рукописный том.

Взять книгу я хочу неудержимо,
Но медлит оробевшая рука:
На уголках страниц, поблекших зримо,
Свой легкий след оставили века,

Как бабушка моя в селе, бывало,
Пеняя на неграмотность свою,
С письмом перед учителем стояла,—
Перед ученым, оробев, стою.

Да ведь и сам он чуть ли не со страхом
Тревожит золотых страниц покой,
Как будто облетят и станут прахом
Они под торопливою рукой.

Пером из тростника легко рисуя.
На титул нанося прозрачный лак,
Не мне ли эти строки адресуя,
Нанизывал писец за знаком знак?

Глубоким чувством раненный, как сталью,
Не в эту ль книгу страстный Навои,
Охваченный любовью и печалью,
Вписал газели вечные свои?

Или над этой книгою бесценной
В кругу высоких замыслов и дел,
В заботах о народе Авиценна
Всю ночь до зорьки утренней сидел?

Светильник догорал, шипело масло,
На минаретах розовел рассвет...
Мысль мудрецов в народе не погасла,
В сердцах людей поныне жив поэт.

От кишлака степного до столицы
Их книги в светлых школах шелестят,
таких руках, как наши, их страницы
Не станут прахом и не облетят.

* * *

Эта молодая
Скромная ткачиха
Хорошо танцует,
Говорите вы?
Мастер отвечает.
Я не слышу. Тихо
В пряже пляшут руки
Девушки Зухры.

К нам не обернулась,

Не взглянула даже,
Сидя по-узбекски
За тканьем ковра;
Все цветы и краски
Взять у тусклой пряжи
Как она умеет,
Смуглая Зухра!

То склоняюсь низко,
То, гляжу, отпрянув,
Глажу верх пушистый,
Мягкий, расписной;
Трав пышнее негу,
Нет нежней тюльпанов
Ни в долинах горных,
Ни в степях весной.

На цветы и листья,
На орнамент пестрый,
На стенное пастбище —
Этот ворс тугой,
На ковер, что завтра
Будет в доме послан,
Как неосторожной
Наступить ногой?

Добрая улыбка,
Рук полет умелый,
Тоненьких косичек
Быстрая игра.
Не Зухра ли в клубе,
Выйдя очень смело,
В быстром легком танце
Не сомнет ковра?

Перевод с болгарского Ю. Гордиенко

Алексей Сурков
(Россия)

САМАРКАНДУ

Руины эти и мечети эти —
Свидетели торжеств, страданий, гроз...
Ты, Самарканд, из тьмы тысячелетий.
Как саксаул, сквозь прах пустынь пророс.

Ровесника надменной славы Рима,
Тебя пытала войнами судьба.
В пожарах ты стоял непоколебимо
И не мирился с участью раба.

Ты слушал и воинственные клики,
И звон стиха, как звон речной струп.
Ты провожал Тимура на добычу,
Ты помнишь Улугбека, Навои.

Как сокол, ты в веках парил над кровью
И падал в дни народных бед, скорбя.
Октябрь своей животворящей новью
Для новой славы пробудил тебя.

Сынам большого, солнечного века
Вручил по праву первородства ты
И звездные дерзання Улугбека
И Навои заветные мечты.

Прочны скрепленной кровью дружбы узы
В семье народов нашей молодой.
В созвездье славных городов Союза
Будь, Самарканд, немеркнущей звездой.

Микола Терещенко
(Украина)

ФУРКАТ

Весь удивляя мир поэзией живою,
под небом голубым в Ташкенте жил Фуркат.
Он беспощаден был, хотя был добр душою,
своим стихом гремел он — соловьев собрат.

На родине он жил, терзаемый судьбою,
хотя здесь для других был сладок виноград.
В изгнание он ушел печальною тропою —
никто не провожал, никто не звал в рабят.

Он в Индии бывал, Болгарию он видел,
но позабыть не мог все то, что ненавидел,—
гнет и насилие в краю своих отцов.

Он горя не забыл своей отчизны милой.
И, возвратясь домой, запел с былою силой;
в столетях не умрет искусство звонких слов.

ВЕНОК

Среди тенистых рощ, над жаркими песками,
на шумных площадях, в задумчивых дворах
узбекские стихи струятся ручейками,
как серебро, звенят в далеких кишлаках.

Здесь славный Навои овладевал сердцами,
п сладостный напев не позабыт в степях.
Базар и чайхана полны его стихами.

И нынче вторит им шаир с домброй в руках.

Здесь с караванами газели путь свершали.
Народа чаянья, народные печали
останутся в стихах среди иных веков.

Стоит от песен гул над старою страной.
Весь удивляя мир поэзией живою,
в столетьях не умрет искусство звонких слов!

Переводы с украинского Н. Ушакова.

Николай Тихонов
(Россия)

**ВЕСНА В ДЕЙНАУ,
ИЛИ НОЧНАЯ ПАХОТА ТРАКТОРАМИ «ВАЛЛИС»**

Дыханье слышу «валлисов»-машин,
Как запертых драконов беспокойство,
Дурацкое, скажу, землеустройство
От древности досталось им в почин.

Поля величиной с кошму,
Канавы, стены, ямы, стены, ямы...
Но времени задания упрямы —
И «валлисы» прокатывают тьму.

Они жужжат, бормочут, невесомы,
Невидимы за перелетом рощ.
Чужою, нехозяйственной истомой
Их окружает дьявольская ночь.

Забытых мест и черных суеверий,
Трахомных глаз, проклятий за углом,
Встает луна — ложится тень у двери,
Дверь отошла, — машина входит в дом.

Распахнут двор. Он байский, крепколобий
(Вкушали плов, меняли скот, рабынь),
И трактор встал своей стальной утробой,
Как некий слон, среди чарджуйскпх дынь.

В пустыне бай, а может, и подале,
И вместо всей халатной толчеи
Три выдвигенца спорят в гулком зале,

И Азия внимает молча им.

Джида цветет, бумаги всех okazji
Пропитаны тем запахом живым,
Животным, душным, стойким в каждой фразе,
И каждый жест в него упал, как в дым...

И в том дыму вся тракторная база
Свергает власть оскаленных пустынь,
Шипит земля, и, словно два алмаза,
Два фонаря глядят через кусты.

ВЕЧЕРНЯЯ ЧАЙХАНА СТАРИКОВ В ТАШКЕНТЕ

Все в деревьях зеленых раме,
Отдыхая от всяких дел,
В ней сидел я с Гафуром Гулямом,
С Айбеком не раз сидел.

Бородатые люди в белом,
Золотая в воде луна,
Хороша и душой и телом
Старых грешников чайхана.

Пиалы там с зеленым чаем,
И у каждой особый вкус,
И часов мы не замечаем,
И куда-то исчезла грусть.

И стихов, словно звезд, немало
В арыке потеряло след,
Оживлялись тут аксакалы,
В самой дружеской из бесед.

Им неважно, где копь, где стремя,
Раз они не ездят совсем.
Тут само веселилось время,
Возвращая молодость всем.

Словом, плившим в зеленой чаще
С лунным блеском напополам,
Услаждали все чувства паши
Айбек и Гафур Гулям.

Песнотворцы милые Азии,
Из далеких вам лет привет.
Больше нет чайханы той разве?
Отвечает мне эхо: нет!

Нет и друга Гафур Гуляма,
Айбека нашего нет,
Чайханы нет в зеленой раме,
В арыке только лунный след.

Нет друзей уж на свете белом,
А ведь как же была она
Хороша н душой и телом
Старых грешников чайхана.

А навстречу зеленоглазый,
Весь в бетон и в стекло одет,
Уж встает Ташкент небывалый,
Новых песен, других бесед!

ОГНИ ТЕРМЕЗА

Барханы там были большие,
Барханы нас просто душили
Текучим холодным песком;
Свистели бичи арбакешей
Над конским мокрым виском;
Визжал арбакеш, словно леший,
Гоня лошадей напролом.

И аспидный сумрак пустыни,
Который все стынет и стынет
И все холодней и пустей —
Возьмет да навстречу и вынет
Такой указатель путей,
Нельзя и придумать простей —
Из серых верблюжьих костей.

И вторя стенаньям шакальим,
Бежавшим все дале и дале,
Стонали пески голосами,
Какими, не знали мы сами,
И птицы ночные рыдали
Так жалко, что душу всю вынет,
Что ну ее к черту — пустыню!

Уже в темноте на барханах
Шатало коней, словно пьяных
На гребнях, почти что у цели,
Ремни на упряжках летели,
И, стоя над краем обрыва,
Обрывками старых арканов
Чинили мы их торопливо.

И шли мы, в песке утопая,
И тьма издевалась тупая

То воем, то свистом, как ханы,
Терзавшие пленников тут,—
Казалось, что эти барханы
Нам снятся и, в сны завлекая,
В какие-то дебри ведут.

И вдруг мы проснулись как дети,
Промчался пустынею ветер,
И лента огней золотых
Открылась с холма над рекою,
Всей тьме этой наперерез,
Полна золотого покоя,
И мы закричали: «Термез!»

В нас все, что мы видели, жило!
Природа, которой нет краше,
Народа хорошего горе,
Прибой Аравийского моря.
Но лента огней золотых
Все эти виденья затмила:
Земля наша — родина наша!

...Конец путешествия — все!

Аалы Токомбоев
(Киргизстан)

МОЙ ТАШКЕНТ

В судьбе моей тех дней щедрее нет,
Вся жизнь моя без них была б незрячей;
Как бабочка, летящая на свет,
Из тьмы сиротства в город рвался мальчик...
Ты стал моим наставником, Ташкент,
Не опалив мне крылья неудачей.

О мой Ташкент!
Ты дал мне стать и речь,
Твой добрый свет
Я смог в себе сберечь.

Я жадно пил из вечного ручья,
Из книг черпал живую мудрость мира,
Здесь в первый раз волнение соловья
Я ощутил своей душою сирой.
О мой Ташкент! Ты — колыбель моя,
Что для полета беркута взрастила.

Ташкент, отец мой,
Век я твой должник,
Ты вьешься в сердце,
Как живой родник.

Те две любви, две тайны, два добра,
Что мать с отцом во мне слили рождением,
Учил Ташкент премудростью пера
Запечатлеть в минуты озаренья:
С тех пор в душе цветет весны пора —

Поэта Алишера вдохновение!

Ташкент, мой милый
Дом, очаг, друзья,—
Открывший миру
Душу соловья.

Живи и здравствуй, город мой, всегда
Всей Азии цветущим средоточьем,
Для многих путеводная звезда,
Свети и впредь, учи добру воочью —
Делам свершенным, щедрым ли садам,
Любви, послушной всем советам отчим.

Ташкент мне дал
Размах могучих крыл,
Тот отчий дар
Мне двери в Кремль открыл!

Перевод с киргизского С. Токомбаевой

Владимир Торопыгин
(Россия)

САМАРКАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА

Уходил Тимур в походы,
а Биби-Ханым ждала,
царством правила и годы
мужу преданной была.

И готовила подарок —
лишь ему, кто был вдали,—
храм, величественней старых,
украшение Земли.

Шли к концу работы эти
и росли во всей красе
синеглазые мечети,
голубые медресе.

Но однажды среди прочих
вдруг заметила Биби,
как трудился главный зодчий,
строя храм ее любви.

Подошла, сказала:
— Мастер,
я тебя благодарю,
Ты — как я,
ты веришь: счастье —
наша преданность царю...

— Нет, — ответил зодчий хмуро,
оборвав царицы речь,—

этот храм — не для Тимура!
Можешь голову отсечь.

—

Но судьба неотвратима:
мы враги навеки с ним...
Этот храм — моей любимой!
Этот храм — тебе, Ханым!

А кругом — толпа немая...
А вдали шакалий вой...
И царицу обнимает
и целует, сам не свой,
зодчий...

Между тем, с добычей
из каких-то дальних стран
в Самарканд во всем величье
возвратился Тамерлан.

Видит: в солнца ярком свете
и во всей своей красе
встали новые мечети,
голубые медресе...

«Что за чудо?» — знать он хочет.
И поведала Биби
о своих словах, о зодчем
и о странной той любви.

«Мастер скрылся, незамечен...
Я очнулась, — он исчез...
Ну, а храм в честь нашей встречи.
Правда? Чудо из чудес!..»

Стиснул зубы царь, и сразу
все рабы, что были там,
по безмолвному приказу
стали рушить чудо-храм.

Каждый камешек умело
разбивали пополам,
посылая в злобе стрелы
к синеглазым куполам.

Долго рушили — мечети
уничтожить не смогли.
И стоит она столетья
украшением Земли.

Николай Ушаков
(Россия)

КТО ОДНАЖДЫ ВИДЕЛ КЫЗЫЛКУМЫ

1

Грузовик полз по волнам песчаным,
пели тормоза, как соловьи.
За едва дымящимся барханом
медреде осталось Кыз-биби.

Занесенные песком порталы...
Сколько лет, песчинками пыля,
сыпала горячие кристаллы
эта степь-пустыня на поля!

Рассыпала кварц свой раскаленный...
И среди развалин и могил
юноша без памяти влюбленный
о Лейли с оленем говорил.

Засыпала кельи семинарий,
ярмарки, каналы, старый зал,
где по воле мелких государей
живописец стены украшал.

Подползала ближе год от года
к благородной к самой Бухаре.

2

Вечером здесь тихая погода.
Здесь мы были в прошлом сентябре.

Грузовик полз по волнам песчаным,
И покачивался грузовик.
За едва дымящимся барханом
лагерь археологов возник —

Варахша, в зернистых звездах дали,—
море Кызылкумов при луне.

3

Утром здесь кувшины откопали,
сохранившиеся не вполне.

Трещиною каждой, слоем пыли,
камешком, прилипшим тут и там,
нам они о жажде говорили,
о могилах говорили нам.

Видели погост мы древний — это
были не гробницы, не гробы,
на песчанике чертеж скелета —
знак неясный,
все же знак борьбы.

Всех столетий видели мы страхи,
муки и надежды всех веков.

4

За холмом солдатские рубахи
промелькнули конных лесников.

К ним промчались по тропинкам

ближним
весь народ, как видно, волевой.

Девушка была в костюме лыжном
с офицерской сумкой полевой.

Знали мы о ней лишь понаслышке
леснике послевоенных дней.
Нас Василий Афанасьич Шишкин —
археолог —
познакомил с ней.

Над ее верандой самолеты,
семечком груженные, летят,
под ее командой самолеты
степь-пустыню семечком бомбят.

Сыплют с неба семена черкеза,
саксаула...

5

Тем и знаменит
здешний лес,
что он не из железа,
а пустыне противостоит.

Может быть, и не дает он тени,
но, скупой на листья,
не сплошной,
он стоит как авангард рас гений —
лес бухарский,
будто костяной.

Друг посевов он,
хоть даже серой
краски не хватило на него...
Что такое стало с атмосферой?
Убежала сойка отчего?

День подобен мрачной лунной ночи.
Буря гонит по песку песок.
На борьбу с песком уполномочен —
лес стоит — куда как не высок,

но корней могучая система
всех барханов,
всех песков сильней.
Он стоит.
Он — наших дней поэма,
жизнь в которой нам всего важней.

Долею микрона поступиться
не желает он перед песком.

6

Пой под бубен.
душенька певица,
пой о веке, сердцу дорогом.

Нам звучат не о дожде молебны —
гимн строительств — здравица твоя.
Песни зажигай, фонарь волшебный,
запевай, красавица моя!

Драгоценными гляди глазами
на поля,

на воды,
на леса.
Слишком часто мы не знаем сами,
как прекрасны наши голоса,

как прекрасно то,
что твердо,
зримо
входит в жизнь,
которую творим!
Каждое зерно неповторимо,
малый арычок незаменим.

О строителях,
о людях думай,
сердцу бесконечно дорогих.
Кто однажды видел Кызылкумы,
тот, конечно, не забудет их.

ХАМЗА ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ

Путь-дорога вьется узким кантом
мимо горной речки в глубь страны.
Едем мы восточнее Коканда,
едем мы южнее Ферганы.

Справа — горы —
каменная стенка,
слева — речка —
волн гремящий бег.
Нас в машине четверо:
туркменка,
украинец,

русский
и узбек.

В сто дымков селение дымится.
Красный перец за любым окном.
От своих республик поклониться
мы к Хамзе по лестнице идем.

Высоко в горах Шахимардана
опочил поэт Хамза меж скал.
Он ушел из жизни слишком рано,
он в борьбе за нашу дружбу пал.

На него, хватая камни, мчалась
басмачей и мистиков орда.
Наша дружба в муках зачиналась,
утверждалась в трудные года.

Не летел тяжелый камень мимо,
каждый оставлял жестокий след,—
но поэзия неуязвима,
если верен истине поэт.

И Хамза Хаким-заде остался
навсегда среди живых людей,—
никогда Хамза не отрекался
от того, что сутью звал своей.

УЗБЕКИСТАНУ

Одною вдохновленные борьбой,
с тобою мы сдружились, как солдаты.
«Ты далеко, но сердцем я с тобой»,—

так добрый Муками сказал когда-то.

Спасибо за него,
за Навои,
за все беседы с прошлыми веками.
Благодарю за все плоды твои,
какие ты делил по-братски с нами.

Спасибо за гостеприимный дом
от Бешагача в трех минутах ходу,
где жили мы с поэтом Уйгуном
одним семейством одного народа.

Благодарю за то и вновь и вновь,
что, вместе преодолевая беды,
мы подтвердили дружбу и любовь
под знаменем единства и победы.

Барри Фейнберг
(ЮАР)

УЗБЕКИСТАНУ

В Ташкенте,
в городе солидарности,
мы сложили общую песню,
прежде чем отправиться
стремительно в Самарканд.

И узбекские пески зеленели,
и узбекские небеса алели,
и голос Африки был нам слышен
на этой братской земле.

Мы шли по узбекской земле.
Цветущие горные кряжи
наконец распахнули ворота
под напором живой воды,
оросившей все тропы Востока
и зеленую ширь равнины,
прежде чем охладить наши лица,
опаленные жаром и ветром.

И узбекские пески зеленели,
и узбекские небеса алели,
и голос Африки был нам слышен
на этой братской земле.

Минареты с лазурной грудью
красовались на фоне неба,
и телескоп Улугбека возвышался
над бетоном и сталью,

и мы взяли у капли солнца
ее огонь животворный
и гнев подожгли по поводу Соуэто.
Наши пустыни ждут орошенья,
наши предки ждут воскрешенья,
и наши победы мы отпразднуем скоро.

Перевод с английского Г. Ашкинадзе

Гопал Халдар
(Индия)

НАПРАВЛЯЯСЬ В ТАШКЕНТ

Там, впереди, лежит Каракорум,
Извечно одинокий и холодный,
Непроницаемый под серым одеяньем,
Таинственный, как будущее наше.
Которого никто из нас не знает.
А под крылом сияют Гималаи —
Планеты удивительное чудо,
Невозмутимая, торжественная сила,
Молчание, закованное в камень,
Спокойствие, разлитое в ущельях.
Я обратился к ним: «Скажите, Гималаи,
Какие вы сегодня? Это вас
Мы многие столетья называем
Священной Обителью Богов?
Ведь это вас великий Калидаса
Назвал опорой всей нашей планеты...»
Вдруг сквозь разрывы тучи под крылом
Я неожиданно увидел на вершинах
Лучащиеся мудрою улыбкой
Морщины, бороздящие лик снега.
Я прочитал в улыбке откровенность,
И мне почудилось, что я слова услышал,
Летающие навстречу самолету:
«Мы приветствуем тебя, человек,
Тебя — пылинку в сравнении с нами,
Мы давно уже ждем, человек,
И хотим наконец услышать,
Когда ты сумеешь подняться
Из темноты, что царит в твоей душе,

Когда ж ты сумеешь стать выше
Тупости, алчности, чванства.
Человек, мы все ждем от тебя
Грядущих великих свершений,
Подвигов, что приведут
Тебя к твоим новым победам.
Мы ждем, когда ты наведешь
Порядок в своем большом доме.
Мы давно уже смотрим в небо,
Чтоб увидеть, не пропустить,
Твой стремительный, дерзкий полет
К солнцу, к далеким звездам.
И поэтому мы не можем
Склонить перед тобою вершины,
Ибо давно глаза наши
Смотрят с надеждою в небо.
Ты — живущий на этой земле,
Гордый, рвущийся в темный космос,
Отвечай нам — добился ли ты
Победы в своем земном доме?»
И снова тихо дремлют Гималаи,
И шлют улыбки девственных снегов
Вслед самолету, полному вопросов.
Я думаю о том, что я услышал,
Стараюсь отыскать на все ответы.
Мне кажется, что каждому из нас.
Живущему на маленькой планете,
Пора себе задать эти вопросы:
«Человек, ты уже побывал на Луне
И готовишься к дальним межзвездным походам.
Ну, а как ты живешь на земле
В твоем доме? Нормально ли все там?
Отвечай — ты сумел укрепить
Узы дружбы и братства народов?

Ты помог им про войну забыть
И прогнать черный страх с небосвода?
Все ль ты сделал, скажи, чтобы мир
Стал не словом, а истинным делом,
Чтоб под крышами наших квартир
Только мирная песня звенела?»
И я решил, что все эти вопросы
Я принесу с собой на нашу встречу,
Чтобы задать их братьям и коллегам,
Которые сегодня, как и я,
Спешат, чтобы увидеться друг с другом
В гостеприимном, солнечном Ташкенте.

Перевод с урду Г. Ашкинадзе

Леонид Хаустов
(Россия)

ЧАЙХАНА СТАРИКОВ

Хамиду Гуляму

Нестройный гул плывет над чайханой.
Здесь головы, сверкая сединой,
Склоняются над шахматной доскою.
Здесь плов берут коричневой рукою.
И, взгляд мой поражая новизной,
Здесь сам Восток беседует со мной.

Здесь на халате видишь ордена.
Здесь грозная гражданская война
Живет в рубцах, избородивших лица
Тех, кто сперва на бая спину гнул,
Кто в юности за Лениным шагнул,
Кто с басмачом рубился на границах.

Меня сюда узбекский друг привел,
Нам был накрыт гостеприимный стол,
Где плов дымился, на Эльбрус похожий
Сказал мой друг: «Вот наши старики.
Но не смотри на белые виски:
Они во многом нас с тобой моложе».

И, руку к сердцу приложив в ответ,
Ему сказал я: «Правильно, поэт!
Известно мне такое изречение:
«Пока глаза блестят, как седина,
Не говорит о старости она».
Я понял этой истины значение!»

Прими поклон мой, дружбы чайхана!
Здесь персиками веет Фергана.
Здесь Бухара в коврах узорных этих.
Отсюда даже Индия видна,
Очнувшаяся нынче ото сна,
И весь Восток, встающий на планете!

Яков Халемский
(Россия)

ЧАЙХАНА

Вы когда-нибудь бывали в чайхане?
Под навесом камышовым, на ковре,
Чай зеленый распивали при луне
Или в полдень, забывая о жаре?

Тут за пестрой занавеской у плиты
Необъятный самовар запылился,
Расцветают, словно майские кусты,
Горы чайников и маленьких пиал.

На кошме, на возвышенье земляном,
Дыни бурые и желтые лежат,
И сменяется душистым кипятком
Сизо-розовый прохладный виноград.

Здесь узорные лепешки подают,
Что дымящегося чая горячеей.
Здесь тенистый обеспечили приют
Кроны пыльных, но густых карагачей.

Здесь урючины с орехом обнялись
Над щебечущим, как птица, ручейком,
А бездонную полуденную высь
Отражает неглубокий водоем.

Здесь беседуют о жизни старики,
А в обед, народом плотно окружен,
Агитатор от строки н до строки
Вслух прочитывает «Кзыл Узбекистон».

Академик и поэт Гафур Гулям
Здесь читал стихотворения свои.
Танец сборщицы плясала Мукаррам —
Балерина из театра Навои.

Каждый жест ее был дорог и знаком,
Словно сборщицей и впрямь она была,
А над ней, как над раскрывшимся цветком,
Зачарованная плавала пчела.

За порогом орошенная земля,
Первый трепет рано вспыхнувшей звезды,
Окаймленные тутовником поля,
Обнесенные дувалами сады.

Вдалеке сугроб нетающий растет,
И полуторки, груженные сырцом,
Мчась на хлопкоочистительный завод,
Огибают чайхану и водоем.

За развилкою в пыли стихает гул.
Завершается большой и знойный день.
Над водою ветви тонкие пригнул
На орешину повешенный кетмень.

Предвечерний ветерок — бесценный дар.
Где-то бубен будоражит тишину.
А за пологом пылает самовар...
Заходите, заходите в чайхану!

Хо Дин
(Корея)

НА РОДИНЕ ДРУГА

Рахим!

С твоей родины теплой я шлю эти строки —

Из края, где люди приветливы,
гостеприимна природа.

«Салам!» — это первое слово,
что я услышал на Востоке:

При встрече его произнес
твой родитель белобородый.

Помнишь, друг, общежитье,
беседы порой до рассвета?

В кроватях лежим, говорим,
говорим, пока не устанем...

Я Пхеньян свой расхваливал:
краше, мол, города нету,

Горячо ты рассказывал мне
о солнечном Узбекистане...

Со слов твоих, друг, полюбил абрикосы
и запах альпийской травы я,—

О горах, городах, о народе
я столько хорошего слышал!

И вот я в республике вашей.

Здесь я впервые,

Но кажется, будто вернулся
домой, под родимую крышу.

За домом твоим, у воды — остролистые ивы:

Приятно прилечь в их тени
в жаркий полдень, после обеда.

Не здесь ли ты слушал преданья,
малыш озорной и счастливый,

О несчастьях былых,
на коленях сидя у деда?
Над оградой —
цветущие яблони, персики, груши
Занесли свои руки
в рукавах белоснежных и алых,
И над розовой пеной,
над прибором кудрявых верхушек —
Гул шмелей, разомлевших,
от нектара и солнца усталых.
А за хлопковым полем
приютился курган сиротливо, —
Кто там помнит,
какой в нем почнет султан или хан?
На развалинах замка
распускаются мирные сливы:
Век кровавых расправ развеялся,
словно туман.
Рахим!
Благодатен твой край —
тут нечего спорить,
Но мы — люди, и прежде всего
родные просторы нам дороги.
Ты любишь Узбекистан,
ибо в нем — твоя кровь и твой корень.
Ну, а я, иноземец,
почему от него я в восторге?
Потому что твои земляки —
люди истинно доброго склада,
Люди-факелы;
я не найду сравненья иного:
Не потому здесь приветили меня,
что так по обычаю надо,
Не просто как гостя и друга,

а как сына родного!
Я краем твоим восхищен:
им гордишься ты, друг, не напрасно,
Восхищен земляками твоими,
их мягкой, задумчивой речью.
...Ты поймешь мои чувства,
когда днем таким же солнечным, ясным,
Приедешь в Пхеньян,
и тебе окажут такую же добрую встречу...

Перевод с корейского Я. Ильясова

Константин Чичинадзе
(Грузия)

БУХАРА

Расцвечена стоишь, гордишься ты собою:
Колонны, купола — мозаики игра.
Как много было здесь сражений и побоищ
И сколько полегло народа, Бухара!

Обогащалась ты — амбаром ненасытным
Стояла на путях торговли мировой.
К чему они теперь, вал этот глинобитный
И врат двенадцать в нем — оплот когда-то твой?!

Мечети и в твоей черте почет стяжали,
Впитали бирюзу и солнца яркий свет.
Спят в медресе твои арабские скрижали
Во прахе и пыли неисчислимых лет.

Тьму пристальных очей тома затмили эти!
Сулили сколько благ идущим в бой они!
Да, в Мекке, в Бухаре, и в Риме, и во Мцхете
Лишь заблуждения, ошибки лишь одни!..

Чем человек владел? Лишь бедами и горем
Он шел из мглы веков и, обреченный, нес
Боль сердца своего, и скорбь в бесцветном взоре,
И безнадежный груз страстей и пылких грез.

С мольбою к небесам объятья простирало
Все человечество, народы всей земли.
Обломками надежд им небо отвечало,—
И ливни горьких слез из глаз текли, текли...

Так завершился цикл, так вихрь событий сгинул,
И канул в вечность он под нерушимый свод.
История, с себя небрежно платья скинув,
Одежды новые с улыбкою берет.

Перевод с грузинского Б. Серебрякова

Толен Шамшиев
(Киргизстан)

ЭТО ТЫ, ФЕРГАНА!

Молодые сады — эго ты, Фергана.
Золотые плоды — это ты, Фергана.
Неоглядным раздольем и солнцем полна,
Ты, как сына, встречаешь меня, Фергана.

Открываешь радушно мне двери в дома,
Где на каждом столе — и инжир и хурма,
И, приверженность добрым заветам храпя,
Угощаешь айраном и пловом меня.

И в бескрайнее поле на зорьке ведешь,
Где в труде закаляет себя молодежь,
Где до самых предгорий, вблизи и вдали,
Дышит хлопок теплом разогретой земли.

С ним немало хлопот, и забот с ним не счесть,
Потому-то труду хлопкороба и честь,
Потому у твоих сыновей, Фергана,
Полыхают огнем на груди ордена.

Пусть еще до горячей страды далеко,
И сберечь урожай будет им нелегко.
Сон забудут они и забудут покой,
Чтобы лился по осени хлопок рекой.

Будет хлопок, — и песнь зазвучит веселен,
У дехканина станет на сердце теплей,
И по праву восславит родная страна
Вдохновенный и жаркий твой труд, Фергана.

Перевод с киргизского М. Ронкина

Олег Шестинский
(Россия)

КАРАКАЛПАКСКОЕ ПОЛЕ

Каракалпакское поле
в сгустках серебряной соли,
и не встречал я дотоль
на поле хрусткую соль.

Хлопок растили на воле,
всадники мчались в раздолье,
перемещая стада,
эта рабочая доля
каракалпакского поля
существовала всегда.

Не потому ль по суконной
черной рубахе земли
пот проступает соленый,
полосы соли легли?

Нива на море похожа,
гордого племени мать,
эта земля мне дороже
многих, что смог увидеть.

ПОД АЗИЙСКИМ ПЫЛАЮЩИМ СВОДОМ

Под азийским пылающим сводом
в зааральском краю
подружился я с древним народом,
потому и пою.

И бредя по дороге песчаной,
обдаваемой жаром,
обнаружил я сходство неожиданно
своей музыки — с дутаром.

Есть у дружбы святое умение:
вдруг в полдневной тиши
вызывать перевоплощение,
раздвигая границы души.

ОТЧЕГО Я ПИШУ

Отчего я пишу
о каракалпакской земле?
Я рожден ведь не здесь,
в азиатском селе;
мои детские ноги
не пылили по глинистым тропкам,
не трусил я с поклажей
на горластом осле,
не склонялся, бессонный,
над хлопком...

Но я в душу земли
заглянул, как в окно,
но я в сердце земли
постучался, как в дом,
и открылось мне главное
в этой степной
стороне, воскрешенной трудом.

Я увидел, как властен

надо всем человек,
Он заставил
соленое поле цвести,
раскаленное поле заставил цвести
и студеное поле заставил цвести...

Отступили с крестьянского злого пути
соль,
колючий кустарник
и снег...
А была бы земля
наверняка,
как потрескавшаяся ладонь старика,
если б каракалпаки
в отчет краю
жизнь
не отдали полю свою.

Как прекрасна земля,
если отдал ей все
Человек!
Но прекраснее
сам Человек,
все отдавший Земле!

СОДЕРЖАНИЕ

Хамид Гулям. Слово о дружбе и братство
Ираклий Абашидзе. В каком бы ни был я краю. Перевод с грузинского В.Державина
Абд-ар-рахман аль-Хамиси. Ташкент. Перевод с арабского Г. Ашкинадзе
Абдул Асад Хафиз. Тебе, Узбекистан. Перевод с урду А. Наумова
Дихан Абилов. Ташкентские цветы. Перевод с казахского А. Семенова
Николай Агеев. Ангрен
Жолмурза Аймурзаев. Узбекистан. Перевод с каракалпакского Г. Юнакова
Али Сардар Джафари. Вечер в Ташкенте. Перевод с урду С. Северцева
Рухи Алиев. Слово к Ташкенту. Перевод с туркменского С. Поликарпова
Касим Аманжолов. Голодная степь. Перевод с казахского А. Семенова
Евгений Антошкин. На празднике поэзии в Фергане
Хильде Арнольд. Встреча в Ташкенте. Перевод с немецкого В. Куприянова
Анна Ахматова. Луна в зените
Ташкент зацветает
Эдуард Бабаев. Весы
Микола Бажан. Садовник. Перевод с украинского П. Антокольского
Танцовщица. Перевод с украинского П. Антокольского
Нуры Байрамов. Крепки пожатья дружеской руки
Демьян Бедный. Клятва Зайнет. Поэма
Ольга Берггольц. Ташкентские стихи
Георге Блэнару. Баллада о братстве. Перевод с молдавского М. Яснова
Джоомарт Боконбаев. Фергана. Перевод с киргизского А. Левики
Майя Борисова. Шахимардан
Рыгор Бородулин. Чиланзар. Перевод с белорусского Ф. Ефимова
Петрусь Бровка. Вспоминая Ташкент. Перевод с белорусского Я. Хелемского
Емилиан Буков. Арал. Перевод с молдавского В. Краско
Единый меридиан. Перевод с молдавского В. Краско
Евстатий Бурнаский. Слава рукам. Перевод с болгарского Л. Таракановой
Павел Васильев. Путь в страну
Сергей Васильев. Голодная степь

Павел Вилипс. Маргиланский шелк. Перевод с латышского В. Тушновой
Ферганский канал. Перевод с латышского В. Алатырцева
Василь Витка. Узбекский шелк. Перевод с белорусского И. Михайлова
Андрей Вознесенский. Помогите Ташкенту. Отрывки из поэмы
Джордж Вулатта. Песнь. Перевод с суахили Р. Фархади
Габдулмажит Гафури. Гостям из Узбекистана. Перевод с татарского В. Бугаевского
Рауль Гонсалес Туньон. Гафуру Гуляму. Перевод с испанского А. Наумова
Строки Узбекистану. Перевод с испанского А. Наумова
Го Сяо Чуань. Почему так бьется сердце. Перевод с китайского Л. Черкасского
Семен Гудзенко. Туркестанцы у однополчан
Виктор Гусев. Дружба
Николай Дамдинов. Разговор с маленьким самаркандцем Надыр-Доржи. Перевод с бурятского А. Карпенко
Сергей Данилов. Баллада о четырнадцати комиссарах
Дикейн Даниял. Рахмат! Перевод с монгольского Л. Таракановой
Абдусалом Дехоти. Гора белого золота. Перевод с таджикского В. Бугаевского
Вечно живой. Перевод с таджикского В. Бугаевского
Андрей Дементьев. Письмо в Ташкент
Баллада об имени
Элисео Диего. «Ты, Узбекистан...» Перевод с испанского Н. Булгаковой
«Жаждающая, рваная, безводная...» Перевод с испанского Н. Булгаковой
В Самарканде. Перевод с испанского Н. Булгаковой
Евгений Долматовский. Узбекистан
Целинникам Голодной степи
Голубоглазая узбечка
Николай Доризо. Пришли в пустыню
Юлия Друнина. Ташкенту
Евгений Евтушенко. На самаркандском базаре
Труд
Жале. Звезда Улугбека. Перевод с персидского Ю. Кушака
Тлеуберген Жумамуратов. Хлопок. Перевод с каракалпакского Г. Юнакова
Наири Зарьян. Привет Узбекистану. Перевод с армянского А. Глобы
Еркеш Ибрагимов. Зульфия. Перевод с казахского И. Озеровой
Вера Инбер. Персик

Хлопок

Миклай Казаков. У берега моря. Перевод с марийского С. Макарова

Римма Казакова. В гостях

Аркадий Каныкин. Хлопковое поле

Юрий Карасев. Лик Бухары

Зарафшан

Понка Краева-Тенчева. Мой второй дом. Перевод с болгарского З.

Тумановой

Якуб Колас. Чимган. Перевод с белорусского Б. Иринина

Узбекистану. Перевод с белорусского С. Сомовой

Сайфи Кудаш. Подарок. Перевод с башкирского Я. Хелемского

Памятник Навои. Перевод с башкирского Н. Борискина

Анатолий Кудрейко. Самаркандская ночь

Узбекский дворик

Кайсын Кулиев. Зульфийи. Перевод с кабардино-балкарского Н. Гребнева

Леонард Лавлинский. Абдулле Арипову

Лахути. Узбекистан. Перевод с таджикского В. Левика

Владимир Лившиц. «О, разреши мне возвратиться...»

Владимир Луговской. Беговат

Яхшигуль

Байток

Михаил Луконин. Хлопок

Бессмертие Хамзы

Кубанычбек Маликов. Богатыри. Перевод с киргизского М. Ронкина

Мамаду Траоре Диоп. Тебе мое слово, Ташкент. Перевод с французского

А. Карлова

Сергей Марков. Осень в Ташкенте

Павел Матев. Другу. Перевод с болгарского А. Наумова

Йордан Милев. Фергана. Перевод с болгарского А. Наумова

Минь Ле. Ташкентская весна. Перевод с вьетнамского К. Аксенова

Сергей Наровчатов. Капитанский тост

Маргарета Нейман. Танец узбекских девушек. Перевод

с немецкого П. Старосельской

Георгий Некрасов. Осень в Нукусе

Долгорын Нямаа. Одно над нами небо. Перевод с монгольского М.

Сергеева

Николай Новиков. Тахиаташ

Нот Куок Тян. Разговор со строителями Самарканда. Перевод с

вьетнамского К. Аксенова

Нури Заки. Ташкент — Казань. Перевод с татарского С. Макарова

Италмаз Нуриев. Верьте поэтам. Перевод с туркменского Е. Семченко

Эди Огнецвет. Перед встречей. Перевод с белорусского В. Тараса

Добрый день, Узбекистан! Перевод с белорусского Б. Иринина

Узбекское небо. Перевод с белорусского С. Сомовой

Лев Ошанин. Звезда Востока

Узбекистану

Узбекистан собирает хлопок

Дмитро Павлычко. «Прошу я — ты сыном меня называй...» Перевод с украинского М. Соболя

«От милой родины вдали...» Перевод украинского М. Соболя

Притам Синг Сафир. Молодому ташкентскому другу. Перевод М. Курганцева

Алексей Пьянов. «В Ташкенте ночи музыкальны...»

Акташ

Всеволод Рождественский. Хлопок

Вилайэт Рустамзаде. «Живые цветы повсюду...» Перевод с азербайджанского В. Савельева

Григорий Санников. Хорезмский оазис

Сергей Северцев. Фонтан во дворе

Ходжабек Сеитов. Мой Узбекистан. Перевод с каракалпакского А. Каныкина

Константин Симонов. Райком в степи. Отрывок из поэмы

Влодзимеж Слободник. Сквозь песню и сквозь ночь. Перевод с польского Н. Астафьевой

Ярослав Смеляков. Кетмень

Ветка хлопка

Хамза

Сергей Смирнов. Среди Самарканда

Светлана Сомова. Ташкенту

Азиатское лето

Анатолий Софронов. Лечу в Ташкент

«Сколько вместе дорогами пройдено...»

Дом Гафура

Лиляна Стефанова. «Старик ученый с тоненькою тростью...» Перевод с болгарского Ю. Гордиенко

Алексей Сурков. Самарканду

Микола Терещенко. Фуркат. Перевод с украинского Н. Ушакова
Венок. Перевод с украинского Н. Ушакова.

Николай Тихонов. Весна в Дейнау, или Ночная пахота тракторами
«валлис»

Вечерняя чайхана стариков в Ташкенте

Огни Термеза

Аалы Токомбаев. Мой Ташкент. Перевод с киргизского С. Токомбаевой

Владимир Торопыгин. Самаркандская легенда

Николай Ушаков. Кто однажды видел Кызылкумы

Хамза Хаким-заде Ниязи

Узбекистану

Барри Фейнберг. Узбекистану. Перевод с английского Г. Ашкинадзе

Гопал Халдар. Направляясь в Ташкент. Перевод с урду Г. Ашкинадзе

Леонид Хаустов. Чайхана стариков

Яков Хелемский. Чайхана

Хо Дин. На родине друга. Перевод с корейского Я. Ильясова

Константин Чичинадзе. Бухара. Перевод с грузинского Б. Серебрякова

Толен Шамшиев. Это ты, Фергана! Перевод с киргизского М. Ронкина

Олег Шестинский. Каракалпакское поле

Под азийским пылающим сводом

Отчего я пишу

ОДА УЗБЕКИСТАНУ

Узбекистан в советской и зарубежной поэзии

Редактор Л. Казакова

Художник Ф. Гамбарова

Художественный редактор И. Кириакиди

Технические редакторы У. Ким, Е. Потапова

Корректор Т. Красильникова

Сдано в набор 16.09.81. Подписано в печать 08.07.81. Форма 84X100
1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая.
Печать высокая. Усл. печ. л. 11,47+1.32 вкл. Уч.-изд. л. 9.35+1.32 вкл.
Тираж 10 000. Заказ № 11. Цена 2 р. 10 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 700129.
Ташкент, ул. Навои, 30.

Набрано и отматрицировано в типографии издательства «Таврида»
Крымского ОК КП Украины. 333700, г. Симферополь, ул. Генерала
Васильева, 44.

Полиграфкомбинат Ташкентского полиграфического производственно-
объединения «Матбуот» Государственного комитета УзССР по дел
издательств, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, ул. Навои, 30.